

Андрей Соболев

16+

ЗАЩИЩАЯ ГОРИЗОНТ

ТОМ 1

Андрей Соболев

Защищая горизонт. Том 1

«Автор»

2020

Соболев А.

Защищая горизонт. Том 1 / А. Соболев — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-05643-5

Куда приводят мечты? Пытаясь спастись от ужасов погибающей планеты, остатки человечества прячутся под землю и запирают свои разумы в машину виртуальной реальности. Так люди хотят начать всё заново, построить новый идеальный мир и отречься от ошибок прошлого. На защиту мечты о светлом будущем встаёт специальная служба Стражей, призванная следить за любым отступлением от идеалов, вплоть до устранения нарушителя. Но что если все мечты оборачиваются кошмаром, от которого уже не сбежать, как от покинутой когда-то реальности? Одному из Стражей по имени Стил предстоит ответить на этот вопрос.

ISBN 978-5-532-05643-5

© Соболев А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог. Дом несбывшихся надежд	5
Глава 1. Падший ангел	25
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Соболев

Защищая горизонт. Том 1

Пролог. Дом несбывшихся надежд

А вы видите сны? Цветные или блеклые отголоски далёких миров, забавных и опасных приключений, манящие истинных героев перинных замков. Что это? Другая Вселенная, планета, реальность или иная жизнь? Возможно, у каждого на этот вопрос готов свой ответ. Многие стремятся вырваться из серых и тоскливых будней, забыться ярким сном, мечтой, улететь как можно дальше от забот и невзгод, от вездесущей пыли дорог, злости и ненависти окружающих его людей, от офисного рабства и бытовой рутины, а может, от самого себя. В этой доброй для них Вселенной они находят то, о чём мечтали, о чём думали целыми днями, скрываясь в собственных мыслях от града давящих и злобных атмосфер. Возможность окунуться в детство, вспомнить свои игрушки, друзей, весёлые забавы. Вспомнить, как всё было легко и ясно, как солнце светило ярче, шутки были смешнее, а люди добрее. Вспомнить, к великому детскому разочарованию, и все свои несбывшиеся мечты.

В этой придуманной сказке можно стать капитаном быстроходного судна, грабить торговые караваны, смело идущие на верную погибель, смотреть одноглазо на мир и чувствовать полкилограмма щебечущей важности у себя на плече. Ах, вот были времена! И только сонное королевство позволяет, наконец, воплотить все наши детские мечты. Вот мы стоим на деревянной палубе, омываемой грозными и холодными морскими волнами, пена вздымается до самой кормы, а мачты жалостно скрипят, пытаясь удержаться на небольшой пиратской шхуне, которую безжалостно бросает по диким и своенравным волнам Карибского моря. Всё тогда в мечтах, в мыслях, казалось легко, прекрасно и естественно. Только успел представить, а шторм уже утих, как по велению Посейдона. Гладкая и тихая гавань теперь утопает в лучах заходящего солнца, в руках верная шпага, в крови целая бутылка отвратного рома, а перед кормой испанский фрегат грозно ошестинился парой десятков чёрных как смоль пушек. Вот оно, то мгновение, миг триумфа каждого ребёнка, когда он чувствует себя на вершине мира, центром Вселенной, богом своего нового мира. Взмах шпагой рассекает тягучий и солёный морской воздух, гремят одобрительный возглас верной команды и наполненный до краёв истинным счастьем, бравый и отважный крик семилетнего капитана: «На абордаж!», и...

Вот оно – чудо! Мы переносимся в земли великого дракона: злобного, огромного и по стечению обыденных обстоятельств чуточку слабее и ничтожнее, чем наш юный герой. Сны – великое изобретение природы, они позволяют не только уйти с головой в собственный выдуманный мир, но и прожить там свою истинную жизнь, ту, которую ты хочешь и выдумал сам, а не ту, что тебе навязывает порочное общество. Будь сильным, будь наглым, топчи любого, кто встал на твоём пути, – вот догмы нового мира. Тебе вторят: ты должен быть взрослым и подчиняться лишь безумному порядку вещей, делай то, делай это, подчиняйся, подчиняйся... А где же место для детской мечты, место для собственного справедливого мира? Оно, к сожалению, только там. Забыть весь мир, заботы и хлопоты, отринуть бесконечные проблемы... Здравствуйте, перина и плюшевый мишка, только здесь я могу снова побыть ребёнком и ощутить хотя бы до утра, что солнце снова стало ярче, а люди добрее. Вперёд, мой верный конь, принцесса не будет ждать слишком долго, дракон обязан быть повержен! Это мой мир и мои правила!

Люди постепенно превращаются в зомби, в полуживые ходячие тела со стеклянными и опустошёнными взглядами. Каждый день навязчивая невидимая длань ведёт нас по рельсам повседневности, разрушает разум, ломает психику, превращая нас в бездушные автоматы. Мы

потеряли вкус к жизни, к творчеству и хотим только одного: чтобы блеклое солнце поскорее зашло за горизонт и можно было вновь сбежать в свой истинный дом и немного помечтать. Новый мир исполняет все заветные желания: ребёнку, что мечтал о море и драконах, вручает саблю, корабль и верного скакуна, а повзрослевший юноша получает свой первый опыт любви в компании той, о ком он грезит по ночам. Но этот дар доступен не всем.

Сны – это отражение нас самих, наших желаний, тайных помыслов и страхов. Этот мир, как изнанка сознания, выворачивает наружу и показывает человеку его истинное Я, которое он не ведаёт, усиленно прячет или не хочет знать. Это воодушевляет, удивляет, но в большинстве своём очень пугает человека. Все привыкли носить маски на бездушном карнавале жизни, скрывать за ними своё эгоистичное и мерзкое чудовище, что прячется за ширмой и разрывает изнутри, пытается прогрызть маску и стереть лицемерную улыбку с лица хозяина. Порой люди боятся самих себя, закрывают глаза на своё тщедушное нутро, неспособное обуздать звериные инстинкты, бегут от правды и рисуют маски на зеркалах. Для таких людей сон – это свой маленький ад, тёмный и жгущий душу личный кошмар, приходящий каждую ночь и рассеивающийся со спасительным горном заведённого будильника. Обычно в такие моменты сознание вытаскивает на свет все потаённые страхи и тёмные помыслы, скрытые в самых дальних уголках разума. Это своеобразное зеркало, справедливый суд, учиняемый сознанием, где главным мерилom для человека служит чистота его собственной души. Для одних – это бегство от ужасов жизни в лучший мир, а для других – это муки совести, пытки страхами и желание вырваться из оков правосудия в такую блаженную для них реальность, где они давно примирились с собой.

Вы спросите, а почему я столько думаю об этом? Возможно, потому, что отдал бы всё, чтобы ещё хоть раз взглянуть на этот дивный мир, испытать чувство всевластия, сладость полёта и наслаждение от безграничных возможностей. Я не боюсь ни мук совести, ни тайных желаний, ни потаённых страхов, пускай даже это, но хотя бы ещё одну ночь провести в этом мире. Я устал от небытия и темноты, что пожирают меня, медленно и усердно обглаживая до костей каждую ночь, стоит мне только закрыть глаза. Ужасное чувство. Полное непонимание, состояние прострации, тоски, ненависти, страха, скорби, всего сразу и ничего одновременно. Пустота окружает меня сейчас, вчера, всегда. Каждую ночь я опускаю голову на подушку и молю всех богов, Систему и Техников, что её поддерживают, сделать хоть что-нибудь, разорвать порочный круг погружения в бездну. Но что бы я ни делал, как бы ни молился, стоит мне только закрыть глаза, приходит она – Тьма.

Кромешная тьма окружала меня и в данную минуту. Тягучая, всепроникающая, она будто покрывала с ног до головы, проникала во все поры и ласкала каждую косточку и каждую клеточку тела. Я не знал, где нахожусь и что здесь делаю. Тьма была настолько густой и непрозрачной, что слепила своей чернотой, выжигала глаза. На секунду я подумал, что ослеп. В бесплодных попытках разглядеть себя я подносил руки к лицу, натужно напрягал глаза, но все старания были тщетны. Иногда мне начинало казаться, что я что-то вижу, какую-то тень, очертание самого себя, словно отражение в бездонном зеркале, но я не был полностью уверен. Здесь ни в чём нельзя быть уверенным. Я пытался ощупать себя, но не получалось. Невероятное чувство: я знал, что у меня есть руки, но не мог ничего поделать, как будто они существовали только в моём сознании. Но они есть, где-то там, передо мной, я знаю точно, просто не вижу их! Ведь так? Тихий шелест безумия подкатывался к моим невидимым ногам. И где я? Пытаясь осмотреться, беспомощно вращал головой или, по крайней мере, думал, что вращаю. Хм, странно. И, вообще, на чём я стою? И стою ли? Может, это бездонная пропасть, и я падаю вниз... Хотя нет, не похоже. Пола не было видно, но я мог поклясться, что ощущал, как твёрдо стою на ногах. Но в этом снова нет никакой уверенности, как и в том, что делать дальше. Идти страшно, да и куда? Вперёд? А вдруг там обрыв? Назад? А если я стою спиной к обрыву? Ну уж

нет, останусь тут, скоро этот кошмар закончится, зазвонит будильник и вырвет меня из мглы бессмысленного страха.

Тишина. Как же здесь тихо. Такое чувство, что весь мир просто выключили на время и он замер в ожидании нового рождения. Может, проблема не во мне и не в моих снах? Вдруг вся Система просто отключается на ночь? Нет, я снова брежу. Боже, что творится с моим сознанием в этом месте, какие-то глупые мысли, несвязные действия, что происходит со мной? Да ещё эта невыносимая тишина, ну почему здесь так безмолвно? Ни единого звука или шороха, всё мироздание, похоже, застыло в мёртвой темноте безвременья. Даже слышно, как гудит сама тишина, неспешно протекая сквозь голову, или это Тьма говорит со мной? Я схожу с ума. Я пытался изо всех сил закричать, хотел впервые в жизни громко и грязно выругаться, но Тьма в ответ лишь немного вздрогнула, но не нарушила свой покой.

И вот так каждую ночь. Я закрываю глаза и исчезаю, буквально падаю в небытие. Что это? Какой-то своеобразный сон? Кома? Или, может, меня отключают от Системы на время, пока я сплю? Возможно, так делают с каждым, чтобы сэкономить ресурсы на обработку. Правда, гениально? Нет, мой разум снова уносит ветром бредовых мыслей. А вдруг это такое проклятие? Мы пытались уподобиться богу, уйти из-под его опеки, создать свой собственный мир внутри его творения, разрушить естественный ход жизни, бороться со смертью. Мы возжелали стать равными ему, и это наше наказание. Но почему он наказывает именно меня? Из-за моей профессии? Всё может быть, хотя Техники убеждали, что это естественные проблемы, которые бывают у многих после процедуры Отречения. Говорили, что это временно, всё само собой наладится, и сны обязательно вернутся. Надеюсь, что так. Не знаю, сколько ещё смогу терпеть эту Тьму в себе каждую ночь. В конце концов, я сам принёс эту жертву, когда решил взойти на высшую ступень служения Системе и согласился пройти Отречение. Интересно, а...

Kan.

Что это? Мне послышалось или...

Kan.

Вот опять. Звук падающих капель так резко и неожиданно громко ворвался в тишину, что я опешил, испугался и чуть не вскрикнул, хотя это всё равно не имело смысла. Я замер и прислушался. Такое на моей памяти было впервые. Прогресс! На короткий миг меня даже озаорило внутренней теплотой от нахлынувшей радости. Может, вот оно?! Может, это сон пытается пробиться сквозь масляный покров темноты, как спасительный лучик доброго солнца после долгой полярной ночи?

Kan!

Я вдруг отчётливо почувствовал воду у себя на лице. Похоже, капает откуда-то сверху. Я принял волевое решение, всеми силами заставляя себя посмотреть наверх. Меня сильно потрянуло, и я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. Пол качнулся под ногами и опрокинулся, отбрасывая меня в темноту... и глаза открылись навстречу хлынувшему свету.

* * *

Зрение постепенно возвращалось, неохотно вырываясь из цепких лап темноты, свет становился менее ярким, объекты обретали всё более чёткие границы, а разум креп. Всё то, что совсем недавно во сне казалось чем-то важным, значительным, очередной гениальной идеей, в мгновение ока начинало таять и рассыпаться на сонм никчёмных и до жути смешных мыслей. С каждой секундой они продолжали растворяться и утекать обратно в скрытые уголки разума. Сознание пыталось пробудиться, вырваться из небытия, я практически ощущал, как постепенно включаются и разгоняются все участки мозга.

Вскоре свет окончательно померк, а в комнате воцарился серый, тоскливый и давящий в груди полумрак. Но первое, что я увидел, — это не привычный для меня серый бетонный свод

потолка, что являлся каждое утро и напоминал о цветах реальной жизни, а из остатков сонного тумана выплыло до боли знакомое лицо. Оно склонилось надо мной, скорчило недовольную гримасу, полную злости и презрения, но в то же самое время источало некую дружескую ненависть, ненастоящую, так можно злиться на закадычного приятеля, снова забывшего вернуть тебе любимую вещь. И, вообще, разве не здорово смотреть на прелестную девушку, пытающуюся строить из себя назидательную мать, которая с укором будит своего непутёвого сына в школу? Меня всегда умиляло, когда Кира злилась на что-то, она так очаровательно хмурила брови и закатывала глаза, что иногда хотелось специально разозлить её чем-то, покапризничать как дитя малое или подшутить над ней. Пускай мне уже много лет по меркам внешнего мира и давно пора завести собственных сыновей, водить их в школу, поучать жизни, но порой так хочется почувствовать себя ребёнком. Возможно, так мы пытаемся убежать от тяготеющих проблем, найти утешение там, в беззаботном и почти забытом прошлом, когда из всех забот была только одна: как заполучить очередную игрушку.

Даже сейчас, когда моя напарница пыталась выразить на лице всю гамму чувств и слов, что ей хотелось высказать мне, она всё равно не утратила своей женской красоты, детской непосредственности и внутренней энергии, а также невероятной притягательности. Никогда не понимал, как ей это удаётся. Другие стараются изо всех сил приблизиться к идеалу, который, похоже, известен и понятен только им одним, правят свою внешность, накладывают тонны макияжа, покупают дорогостоящие заплатки по коррекции виртуального образа, почти с нуля переписывают себя. Но ничто не способно заменить невероятного внутреннего тепла, что может исходить от человека, и оно дороже любых изменений. Кира – одна из таких уникальных личностей. Она не пользовалась косметикой и не особо следила за собой, прямые тёмные волосы всегда были небрежно подстрижены под каре, я бы даже сказал, обгрызены и нелепо уложены. Волоски то и дело пытались жить своей жизнью и топорщились в разные стороны. Но эта неряшливая причёска обрамляла вполне миловидное лицо: прямые и тонкие губы, обычно сложенные в приятную и мягкую улыбку, небольшой аккуратный носик, а самое главное, невероятно глубокие и притягательные голубые глаза, так укоризненно выглядывающие сейчас из-под томно свисающей чёлки.

Вдобавок Кира обожала наряжаться в мужскую одежду: джинсы, кожаная курточка поверх свитера с высоким воротом, а на ногах всегда помятые чёрные кеды. Как она любила говорить, главное, чтобы было удобно бегать! И правда, при нашей работе сложно от неё требовать хоть немного женственности, мы все равны, и Кира ни в чём не хотела отставать от мужского коллектива. Тем более она боец, Страж третьего уровня, а следовательно, прошла ту же подготовку, что и я когда-то. Так что, это далеко не хрупкая девушка, а настоящая машина для убийств. Трудно её представить в обычной жизни, в кругу семьи с заботливым мужем, детьми и уютными посиделками по выходным. Нет, от подобных мыслей у меня перед глазами всегда возникает одна и та же картина: Кира одной рукой переламывает горло своему мужу, что забыл помыть посуду. Я даже усмехнулся в душе. Хотя иногда жалею, что такая девушка, с такой внутренней энергией, тратит её на уничтожение Отступников. Наверное, она заслужила более спокойную жизнь. Эх, в робкие минуты слабости я тоже думал о том, чтобы оказаться свободным от клятвы Стража и прожить долгую счастливую жизнь с такой женщиной, как Кира. Но, увы, наш долг превыше всего. Сейчас я вижу перед собой не красивую женщину, а друга и соратника, верного напарника, кто всегда прикрывал меня на самых тяжёлых и опасных заданиях, обычно выпадающих на долю Палачей. Такова наша работа.

Мы смотрели друг другу в глаза, тихо, неподвижно, она прищурилась, пытаясь всем видом что-то сказать, но продолжала молчать. Я лежал на спине, смотрел на свою верную соратницу, согнувшуюся над моей кроватью, и пытался не шевелиться. Мне ужасно хотелось потянуться, поёрзать на месте, включить в работу заиндевевшие мышцы, а ещё у меня невыносимо ныли спина и шея, но это неудивительно, когда всю ночь спишь в неудобной позе,

растянувшись прямо в одежде на диване. Да, своё ночное обиталище я иногда называл кроватью, хотя на деле это был скромный коричневый диванчик с потёртой обшивкой и невысокой спинкой. Меня это совсем не беспокоило, я не особо стремился к комфорту и не позволял себе расслабляться даже дома. Но обычно я не сплю в одежде, просто вчера... хм, честно говоря, не помню, почему не стал раздеваться перед сном.

Когда сонные круги перестали туманить мой взор, я заметил, что Кира вся промокла, пока добиралась сюда, но при этом выглядела крайне умилительно, как котёнок, которого хочется обнять и согреть. Волосы её тоскливо блестели на свету от покрывающей их водяной плёнки. Зато стало понятно, откуда у напарницы такой мрачный вид. В это время по её волосам пробежала резвая капелька, соскочила с кончика волоса и звонко плюхнулась прямо в мой левый глаз.

– Эй! – Мне пришлось разрушить затаившуюся игру в гляделки.

Я вскочил, потирая глаз рукой. Кира отступила на два шага от дивана-кровати.

– Я что, по-твоему, должна каждый день с тобой нянчиться? Ты как ребёнок, ей богу. Неужели так трудно завести будильник?

Сегодня Кира была явно не в духе, хотя обычно сдержанно относилась к моим выходкам и пыталась не замечать во мне некоторую безалаберность и халатность ко всему, что не касалось работы. Но не сейчас.

– Так я заводил. – Я пытался искусно парировать её выпад, но подкравшееся сомнение уже совестливо смотрело в душу. – Вроде...

Кира в ответ всплеснула руками, потом подошла к круглому деревянному столу, скромно ютившемуся посреди практически пустой комнаты, и взяла с него подозрительно пустую бутылку из-под неизвестного содержимого.

– Это было до или после этого? – Она укоризненно покрутила бутылку в руках, внимательно изучила этикетку, понюхала горлышко и, скривившись от омерзения, резко отстранилась от неё в сторону. – Фу, что это ещё за дрянь? Ты что, это пил?

– В магазине сказали, что это средство поможет уснуть, – ответил я и ощутил остатки горечи во рту.

Что-то такое я вспоминал: и тоскливый вечер, и страх перед новыми объятиями Тьмы, и невероятно противное средство, от которого выворачивало наизнанку. Но потом в памяти только темнота и безмолвие.

Кира вздохнула, с печальным звоном поставила бутылку обратно на стол, отодвинула один из стульев и устало опустилась на него.

– И как, помогло?

Хороший вопрос. Я нащупал ногами пол, привстал с дивана и смачно потянулся, широко при этом зевая, а затем пригладил свалявшийся джемпер.

– Ага, понятно, можешь не отвечать, – Кира покачала головой. – Посмотри на себя, как так можно? Ты даже одежду не снял!

Я ворчливо скорчился, намекая, что мне не нравится её назидательный тон и, вообще, когда меня будят, к тому же я был не особо настроен на разговоры. Вместо этого медленно побрёл на кухню или, скорее, даже поплыл. Этим утром каждое движение давалось мне очень тяжело, и непонятное снотворное явно сыграло здесь не последнюю роль. Моя квартирка имела очень скромные габариты, даже по меркам спальной части города, и ничем не выделялась среди прочих, а скрытность и неприметность и вовсе считались главными достоинствами Стражей. Обычный серый дом на обычной «серой» улице, четыре этажа, бедное убранство и маленькие крысиные лачуги, которые по ошибке называли человеческим жильём. Входная дверь сразу же вела в единственную небольшую комнату с деревянным полом и единственным окном на противоположной от неё стороне. Круглый деревянный столик грязно-коричневого цвета по центру, пара стульев и в самом углу моё ночное обиталище – его величество диван. Обычно

в такие квартирки ничего больше и не влезало. Уберёшь что-нибудь – станет совсем пусто, добавишь – будет не пройти, так что, я считал свой набор мебели оптимальным. С краю помещения было выделено небольшое пространство под кухню, отделённое от основной комнаты лишь невысокой, в половину человеческого роста, перегородкой. Там же рядом располагалась дверь в ванную комнату. Всё рядом и на ладони, мне нравился такой аскетизм, что бы другие ни говорили.

По пути на кухню я внезапно передумал и заглянул сначала в ванную, немного смочил лицо и только потом направился к первоначальной цели.

А в это время напарница всё не унималась:

– Ты хоть понимаешь, что я добиралась сюда через полгорода под проливным дождём, когда это ты должен был заехать за мной?! А он тут спит и в ус не дует, и это в такой важный день, эх! Сегодня же нового руководителя отдела Стражей должны представить. Ещё не хватало мне явиться туда одной, без напарника. И это считается лучшая оперативная группа во всей Системе! Да уж. Ты что, забыл?

– Не забыл, прости. А кто нас считает лучшей группой?

– Я считаю, разве этого недостаточно?

– Многие бы с тобой поспорили, – хмыкнул я.

Мне сейчас действительно не хотелось разговаривать. Кажется, что сегодня Тьма выела слишком большую часть, оставив так мало воли плыть под серым светом нового дня. Я продолжал проживать своё мучительное утро на полном автоматизме: достал огромный бокал и банку кофе из настенного шкафа, полез за ложкой...

Кира вскочила из-за стола.

– Ты что там делаешь?

– Кофе себе готовлю, – безразлично ответил я.

– Какое, к чёрту, кофе? – Кира была возмущена до глубины души.

Она подскочила ко мне и одёрнула за рукав джемпера.

– Немедленно собирайся и поехали! Потом кофе попьём, заедем в кафе после совещания.

– А сколько сейчас времени? – ошарашенно спросил я и вдруг понял, что по-настоящему проснулся.

– Без пяти минут опоздали, одевайся быстрее, говорю!

Кира энергично развернулась на месте и пошла к двери. Она хотела выйти, но вдруг остановилась, оглянулась и недоумённо спросила:

– А где твой меч?

Я тоже пару раз окинул комнату беглым взглядом, почесал голову, пытаясь по крупицам восстановить в памяти вчерашний вечер.

– Хм, наверное, в машине оставил.

Кира красноречиво закатила глаза, покачала головой и выскочила в открытую дверь, бросив напоследок пару слов, но я их не расслышал, поскольку уже был занят выуживанием куртки из-за дивана. После удачной ловли я надел свои любимые и удобные туфли, ничуть не хуже, чем её кеды, накинул на себя куртку, одёрнул её и последовал к выходу. По пути пригладил растрёпанные волосы, потёр красные и сонные глаза, чтобы выглядеть не таким помятым после ужасной ночи, и нащупал колючую щетину на лице.

– Надо побриться... – пробормотал я.

Затем вышел в пустой и мрачный коридор, закрыл за собой дверь и направился к лестнице, ведущей в мир, полный надежд.

* * *

Дверь подъезда выходила прямоком на узкую улочку, заставленную по обеим сторонам точно такими же скромными и невыносимо серыми бетонными лачугами. Они жались друг к другу неприглядными копиями и стройными рядами уходили далеко в туманную изморось дождливого дня. Мимо проскальзывали небольшие кучки людей, прорастая целой грибницей разноцветных зонтов, суетливо обгоняли друг друга и скрывались в серой дымке над дорогой. Возможно, они спешили на свои рабочие места или в парикмахерские и магазины, а может, просто стремились поскорее уйти из-под вечного небесного наказания. Но, заглядывая в их полные ненависти и негодования глаза, я понимал, что, скорее всего, последнее. Больше повезло тем, кто смог каким-то неведомым чудом накопить на личный автомобиль. Пускай небольшой и лишённый бесноватых удобств, но даже такой становился истинным спасением, если часто приходилось отдаваться на волю неумолимой стихии.

Несмотря на прохожих и редкое шуршание проезжающих по дороге автомобилей, улица всё равно казалась пустынной, печальной и тоскливой. Захотелось сразу же вернуться домой, в тепло и уют крысиной берлоги. И плевать на собрания, бесконечную суету, на эти игры в догонялки и всех вокруг! Но я не мог так поступить: на нас возложена великая миссия. Мы защитники этого города, проводники к светлой мечте. Мы оберегаем покой и личное счастье каждого человека и творим будущее своими руками.

Я посмотрел в небо. Серые и тяжёлые облака клубились в причудливом танце под музыку дождливой симфонии, играющей уже второй месяц подряд. Кто заказал такую мелодию и как её остановить – неизвестно до сих пор. Облака угрюмо вздымались, сворачивались, набегая друг на друга, и продолжали изливать потоки холодного дождя, который и не думал заканчиваться. Я прищурился от того, что моё лицо окропило увесистыми каплями, и сразу вспомнилось пробуждение и милое лицо напарницы. Точно! Напарница! Уже и забыл, зачем вышел на улицу. Я демонстративно съёжился, поднял воротник куртки и лёгкой трусцой побежал к нашему автомобилю. Благо я припарковал его вчера на тротуаре всего в десяти метрах от дома.

Наш служебный транспорт не представлял собой ничего интересного: стандартная модель легкового автомобиля, самого популярного в Системе из-за невероятно низкой цены, отсутствия удобств и крайней скромности прочих технических характеристик. Главный принцип нашей работы всегда заключался в её незаметности для обывателя. Тем более этот автомобиль только снаружи казался типичным чёрным седаном с округлыми формами, тонированными стёклами и люком на крыше. Но внутри скрывался мощный и ревущий скакун, какой положен по статусу всем Стражам высших уровней.

Когда я подбежал к машине, Кира уже сидела на месте водителя, при этом нервно постукивая пальцами по рулю и озираясь в поисках пропавшего напарника. Я провёл указательным и средним пальцами правой руки по небольшой металлической пластине на дверце, и та, негромко пискнув, поспешила отвориться. После чего плюхнулся на сиденье рядом с водителем и торопливо захлопнул дверь.

– Брр, жуть какая!

– Почему так долго? – процедила сквозь зубы Кира.

– В пробку попал. – Я попытался разрядить обстановку, но заслужил только осуждающие косые взгляды от напарницы.

Кира потянулась к небольшой пластинке на приборной панели и, в свою очередь, провела указательным и средним пальцами правой руки. Мотор взревел.

– Пристегнись, Стил, поедem очень быстро. Надеюсь, успеем за десять минут промчаться через весь город. Как думаешь?

Впервые за всё утро Кира позволила себе небольшую улыбку. Вождение доставляло ей огромное и нескрываемое удовольствие, в отличие от меня, гораздо больше предпочитавшего роль пассажира и дорожного собеседника. Я лениво перекинул через себя ремень безопасности, хотя зачастую игнорировал его, полагаясь на самонадеянное авось. Потом обернулся на заднее сидение, где вчера по забывчивости или собственной глупости оставил свой меч, и с облегчением выдохнул – он всё ещё был там. Потеряй я служебное оружие – и меня бы немедленно лишили звания Стража, а то и вовсе записали бы в Отступники.

Машина медленно вырулила на дорогу и начала быстро набирать скорость. Она грозно рычала и взывала каждый раз, когда Кира умело орудовала рычагом переключения скоростей. К счастью, салон был хорошо изолирован, и доносившиеся из-под капота звуки целого табуна лошадиных сил блекли, таяли и сливались в чуть слышимый, ровный и мягкий ропот. Дома за окном проносились с каждой секундой всё быстрее и быстрее, постепенно размазываясь в одну серую, невзрачную ленточку. Так мой бедный и тихий район выглядел совсем уж жалким и бесконечным туннелем одиноких душ. Набрав воздуха полные лёгкие, я с горестью выдохнул. Кира мельком посмотрела на меня и вернула взгляд на дорогу.

– Что, опять мучила бессонница? – Она выглядела немного взволнованной.

– Бес... сонница, какое точное слово... – задумчиво произнёс я, глядя в окно. – Да, всё ещё мучает. Честно говоря, я уже устал с этим бороться. Руки опускаются.

– А что говорят наши прохиндеи из технического отдела?

– Как всегда, ничего толкового. Ты, говорят, потерпи, само наладится, всякое бывает после процедуры Отречения: и память теряют, и разум, и овощами становятся. Тебе, говорят, ещё повезло. Повезло, представляешь?

– Да уж. – Напарница мило улыбнулась мне в ответ. – Может, тебе стоит ещё раз обследоваться, провести полное сканирование? Вдруг что новое узнают?

– Ну нет уж, хватит с меня обследований, больше я на стол к этим извергам не лягу. Сколько уже прошло? Почти пять лет, как я в рядах Стражей, а воз и ныне там. Иногда мне кажется, что я скоро начну сходить с ума.

– Только ещё начнёшь? – хихикнула напарница.

– Да ну тебя...

Кира засмеялась, потеряла контроль, и машину слегка повело в сторону.

– Ты за дорогой лучше следи, – обиделся я.

Затем поёрзал в удобном, мягком сидении, сел поглубже и принялся смотреть в окно. Дождь тихо и неугомонно стучал по крыше, умиротворял и уносил в мыслях далеко-далеко. Капельки проворными ручейками сбегали по лобовому стеклу, чтобы резво отскочить от настигнувших их щёток и навсегда исчезнуть из этого мира. В мокрой пелене от дождя мелькающие полоски домов размывались в совсем уж замысловатую и серую массу. Но вскоре их ряды поредели, а машина начала притормаживать, выезжая на оживлённую автостраду, ведущую в центр города – куда более красочные и живые районы, разительно отличающиеся от простого человеческого мира.

Я вновь сложил два пальца правой руки в знакомый жест и быстро провёл ими по воздуху перед собой, рисуя невидимую вертикальную линию. Здесь стоит поведать о самом важном: про нашу святая святых, главного друга и помощника на всю жизнь – Консоль. О, эта штучка стала единственным окном в мир для любого человека: через неё общались, покупали вещи, управляли домом, автомобилем; она служила ключом от всех дверей. Консоль содержала всю информацию о человеке: где он был, что приобретал и видел, о его здоровье и финансах и, конечно же, кредитной истории. Но, главное, она служила якорем, что удерживает цифровую оболочку внутри Системы и привязывает её к настоящему телу, пока оно хранится где-то там, далеко за гранью реальности, одиноко лежащее в специальной капсуле. По сути, вся жизнь человека заключена в маленький квадратный чип, вживлённый в запястье его правой руки.

У каждого он свой, с разными возможностями, доступным набором функций и товаров. Естественно, что самым широким функционалом и немислимыми способностями обладали Консоли Стражей. Простые люди и представить не могли, на что способны их защитники, фактически боги нового мира. Только жаль, что в последнее время нам существенно подрезали крылья и запретили использовать большинство возможностей до тех пор, пока наши Техники не разберутся с этой странной и затянувшейся проблемой с погодным модулем.

Консольный чип простых граждан почти не выделялся на руке, где оставались заметны лишь едва различимые линии, идущие от чипа в запястье и далее, по всей ладони, к кончикам двух пальцев: указательного и среднего. Там они заканчивались небольшими серыми кружочками контактов, выходящих на поверхность подушечек пальцев. Неудобств это не вызывало и совершенно не ощущалось на руке, чего не скажешь о самой процедуре установки или замены чипа, которая была до жути болезненной. Чип Стражей наоборот имел существенные внешние проявления: он будто изнутри выжигал на запястье поперечные линии, внешне напоминающие обычную татуировку, и чем больше линий, тем выше уровень Стража. В том числе это служило рабочим удостоверением и отличительным знаком нашей службы.

Итак, стоило мне провести двумя пальцами по воздуху, как передо мной развернулось полупрозрачное окно главного меню Консоли. Оно парило именно в том месте, где мои пальцы коснулись незримого пространства. От предложенного количества действий и пунктов меню разбегались глаза: тут тебе и покупки, и видеосвязь, и просмотр блока новостей, и многое-многое другое. Куда бы я ни повернул голову, квадратная плавающая панель сантиметров тридцати в высоту спешила вновь оказаться перед моими глазами. Но в данный момент ничего из того, что торопилось предложить передовое чудо инженерной мысли, меня не интересовало. Я только взглянул на циферблат, скромно приютившийся в правом верхнем углу, прямо над огромным пунктом меню «Покупки», и недовольно покачал головой. Ко мне начали подкрадываться подозрения, что этот пункт помещён именно сюда неслучайно. Я резко помахал указательным пальцем по виртуальному окну из стороны в сторону, как бы стирая его, и Консоль, моргнув на прощание, растворилась в воздухе.

– Времени уже почти десять, – обречённо сказал я. – Осталось пять минут до собрания, точно не успеем.

– Ну, если что, мы скажем, кто из нас двоих виноват, правда ведь? – улыбнулась Кира.

– Конечно, скажем. Ты! Слишком долго ко мне добиралась.

– Я тебе... – Напарница игриво ударила кулаком в моё плечо, чем вызвала у нас обоих довольные улыбки.

Настроение и у меня, и у неё улучшалось с каждой минутой. Я наклонился вперёд к лобовому стеклу и попытался посмотреть в небо.

– И когда уже этот дождь закончится? Как думаешь, Кир, что там случилось у Техников? Уже второй месяц починить не могут.

– Не знаю, все молчат, будто воды в рот набрали, – пожала плечами Кира. – Говорят, что-то с погодным модулем. Я пыталась расспросить подробнее, но в ответ получала только стандартные отговорки: «Сломалось», «Чиним». Чую, что-то неладное творится с нашей Системой. Вот ещё запретили Консоль нормально использовать – как бы вообще всё не развалилось. Мне, на самом деле, немного страшно.

– Да-а-а, дела...

– Хорошо, хоть смогли накопление воды на улицах отключить, а то в первую неделю чуть не утонули все, но теперь даже лужи не образуются. Вот бы ещё промокание отключили, но это, скорее всего, невозможно. Ходить каждый день мокрой как мышь, право дело, ужасно надоело. – Кира сморщилась от пренебрежения и покачала головой.

– Думаю, скоро должны починить. Как бы я ни относился к нашим Техникам, но вынужден признать: опыт по ремонту Системы у них большой, должны справиться. Но лучше бы они так людей чинить научились.

– Нам с тобой, Стил, ещё повезло, в отличие от Наблюдателей. Вот у кого сейчас работка – сущий ад.

И правда. Иногда вот так подумаешь, что кому-то сейчас хуже, чем тебе, и на душе сразу легче становится. Какая-то очень жуткая и вредная черта у людей.

– О, кстати, а вот и они, легки на помине. Смотри, наш друг Паша! – Кира заметно ожилилась и указала на одиноко стоящую у края шоссе фигуру, которая стремительно приближалась.

– Кир, у нас совсем нет времени на...

– На Павла есть всегда! – отрезала она.

Напарница хитро улыбнулась и начала резко сбавлять ход, постепенно выкручивая к замёрзшей и злой фигуре, что переминалась с ноги на ногу у правой стороны дороги. Человек в сером и мокром плаще заметил приближающийся к нему автомобиль и сделал несколько шагов назад от края. Машина остановилась почти вплотную к нему, и окно на моей дверце плавно опустилось, исчезая в специальном проёме. Молодой парень насупился и молча посмотрел в моё лицо.

– Эй, Паша, привет! Чего опять такой грустный? – воскликнул я.

Парень ещё больше нахмурился, но продолжал стойко молчать. Тогда напарница наклонилась к моему окну и добавила с едким ядом в словах:

– Как продвигается работа по отращиванию жабр? Давно пора, смотри, какой пухлый от воды стал.

– Что вы меня постоянно достаёте? – как обычно, не выдержал парень. – Не каждому повезло работать на вашем месте. Я пытаюсь приносить пользу любимому городу, как могу, а вы каждое утро глумитесь надо мной...

Человек в плаще проглотил последние слова, надул губы и всем видом продемонстрировал своё негодование.

– Павел, ты что, успокойся, не стоит так нервничать! Подумаешь, вспух немного, зачем на это обижаться? – поддержал я немного жестокую игру Кир.

Напарница в это время сделала серьёзное лицо и снова выглянула в окно.

– Наблюдатель Павел, вы как разговариваете со старшими по званию? Хотите лишиться полоски на руке?

Кира явно была довольна происходящим. Она снова уселась за руль и начала задорно перебирать пальцами.

– П-п-простите...

– Наблюдатель Павел, сколько Отступников вы успели выявить за сегодня? – Я тоже решил сделать свой голос как можно более официальным.

– Ни одного, господин Страж. – Парень совсем поник и еле слышно бубнил под нос. – Разрешите продолжить наблюдение за порядком?

– Разрешаю, и в следующий раз соблюдайте субординацию.

– Слушаюсь, господин Страж.

Я закрыл окно, довольно хмыкнул и кивнул напарнице:

– Поехали уже.

Машина взревела и резко тронулась с места.

– Э-эх, я уже жалею, что отключили лужи, – с садистским желанием протянула Кира, быстро набирая скорость. – С ними было гораздо веселее проезжать мимо Паши.

– Сегодня мы, похоже, совсем достали парня. Как он сорвался, ты видела? Такое лицо строил, ненависть так и лилась рекой. Я ненароком подумал, что он мне в рожу даст.

- А надо было! – Кира засмеялась.
- Эх, теперь мы точно опоздали на собрание.
- Ну согласись, Стил, оно того стоило!
- Угу, вероятно. Поднажми, Кир.

Напарница вдавила педаль газа до упора, и машина ещё быстрее рванула вперёд, нарушая все мыслимые ограничения скорости. А я всё не переставал думать о том жалком и промокшем насквозь Наблюдателе, над которым мы любили подшучивать, каждый раз встречая его по пути на службу. Хотя другие назвали бы это издёвками, смотря с какой стороны посмотреть. Столько в нём было мужества, сил и благородных порывов, а главное, терпения, что иногда его становилось действительно жалко. Однако парень умел мечтать, как никто другой, и неуклонно двигался к заветной цели. Несмотря на все удары судьбы, он продолжал выполнять свои обязанности, замерзая, промокая до нитки, но не прекращая исправно платить свой личный долг перед обществом.

Наше поколение уже давно разучилось мечтать: нет ни смыслов, ни целей, ни амбиций. Мы безвольные листики с одного и того же засыхающего дерева, что сорвались однажды с материнских веточек и теперь плывём по реке жизни, ведомые в неизвестном направлении. Тогда зачем так стараться? Ради чего? Ради похвалы, денег или всемирной славы? Что находит этот юноша в погоне за мечтой? По-моему, наш мир – уже давным-давно проложенная колея, по которой приходится бездумно плыть, а лишние движения только быстрее погружают нас в пучину забвения. Но в наивных детях ещё горит огонь свершений и желаний, они хотят быть лучше, сильнее, умнее других. В них ещё теплится это незабываемое чувство, что ты живёшь не зря, что пришёл в этот мир ради некой важной миссии, что обязан её исполнить. Ты избранный! Возможно, именно это чувство продолжает воодушевлять Павла на личный подвиг каждый день. Интересно, как скоро этот дождик смоет все его порывы, сломит его волю и сможет потушить внутренний огонь? Неизвестно, но чем скорее, тем лучше. Чем раньше он столкнётся с реальностью и познает вкус разочарования, тем большего сможет добиться. А пока он просто продолжает стоять там, на обочине, и по-человечески мечтать, что в один прекрасный день его заметят, оценят и заслуженно одарят второй заветной полоской на запястье. Эх, знал бы он, как бывает мучительно больно, когда сбываются все мечты!..

Павел был типичным Стражем низшего пятого уровня: молодым, активным и очень целеустремлённым. Обычно именно таких мечтательных парней любили брать на эту неблагодарную и рутинную работу. Эти юноши с переполняемым чувством собственной важности, долга, ощущения того, что они выполняют великое дело, отдавали себя полностью, посвящали всё время и прикладывали все силы, чтобы послушно исполнять возложенные на них обязательства. Несмотря на то, что низшим уровнем считался именно пятый, у них было всего по одной полоске на запястье, чем они, безусловно, сильно гордились. Юношам для мотивации к работе вообще очень часто хватает какого-нибудь отличительного знака, простой безделушки, которая выделяла бы его среди сверстников, даже если её нельзя никому показывать, и стала бы для него предметом личной гордости.

Стражей пятого уровня чаще всего называли просто – Наблюдатели. Как ясно из названия, на них возложена единственная роль – быть незримыми наблюдателями, сливаться с толпой, следить за жизнью в городе и незамедлительно сообщать о любом подозрительном факте или нарушении. Они – это глаза и уши Системы, главный связующий элемент для всей службы Стражей, и неудивительно, что у этих парней столько напыщенной значимости в крови. Главная мечта для любого Наблюдателя – возможность стать Стражем четвёртого уровня, подняться на важную жизненную ступень, получить заветную вторую полоску на запястье и превратиться, наконец, в полноценного жителя башни, обители Стражей. Чтобы их заметили, пригласили пройти учёбу и аттестацию на повышение уровня, им приходилось выворачиваться наизнанку, загонять себя работой и выкладываться по полной. Ну и, как это часто бывает, мно-

гие слишком рьяно пытались показать себя, докладывая обо всём подряд, даже придумывали нарушения и занимались наветами, но таких слишком активных мечтателей быстро ставили на место. Наблюдателями служило большое количество человек: около тысячи на миллионный город. Поверьте, это очень много. Они равномерно покрывали собой почти весь город, и при этом жители даже не подозревали об их присутствии.

Следующую ступень нашей иерархии порядка – Стражей четвёртого уровня – называли Ищейками, и они выполняли уже куда более важную, сложную и ответственную работу. В их основные обязанности входили: обработка поступающей от Наблюдателей информации и реакция на неё, расследование преступлений и поиск Отступников. Ищеек было значительно меньше, чем Стражей низшего уровня: всего пятьдесят человек. Но этого вполне хватало, и свою работу они выполняли исправно. Такая должность стала пределом мечтаний для Наблюдателей, причем всего по одной простой причине: это максимальная ступень, на которую мог подняться обычный человек. Стражи высших уровней отбирались особым образом, и естественно, что для рядовых служителей Системы это было совсем недостижимой мечтой. К счастью или горю, но мне повезло стать на ступеньку выше всех остальных.

Стражи третьего уровня – вершители чужих судеб, исполнители приговоров, которые для всех Отступников звучали одинаково и стыдливо скрывались за словом «отключение», но всегда означали лишь одно – смерть. Именно поэтому нас не очень благозвучно, зато устрашающе называли Палачами. Нас боялись, уважали и проклинали. Но обычно не слишком долго, потому что мы служили посланниками и ангелами правосудия, карающей десницей всего народа и порой о нашем появлении узнавали всего за пару минут до собственной смерти. Именно мы очищали от поразившей скверны наш хрупкий мир, в котором существовал всего один принцип: «Живи по правилам нового мира или умри и дай жить другим». Таков был закон. Наш Основной закон. Чувствовали ли мы вину за казни людей? Нет. По крайней мере, Отречение избавило нас от последних сомнений. Чувствовали ли мы важность нашей миссии? Да. Эта работа стала основой для существования нашего идеального дома, на который создатели возлагали очень большие надежды.

Тем временем, пока я разглядывал неприглядные пейзажи за окном, кружась в водоворотх собственных мыслей, впереди, из завесы сырого тумана, стали медленно и вальяжно выплывать очертания огромных небоскрёбов, загруженных улиц – наш вечно кипящий, огромный город. Это две грани одной реальности. С другой стороны праздного мегаполиса – серые, невзрачные спальные районы, место обитания основной массы обычных людей, простых рабочих и рядовых жителей города, тех, кто хотят лишь малого счастья и спокойной жизни. Здесь не звучит громкая музыка, нет ярких всполохов цветных огней и призывных вывесок красивой жизни. Здесь нет дорогих магазинов, вычурных салонов и вечного кислого смога, нависающего над улицами из-за смешения сотен видов разнообразного парфюма.

В моём районе всегда тихо, уютно и немного тоскливо по вечерам. Бывало, сидишь у открытого окна, смотришь на забавное разноцветное мельтешение вдаль и думаешь, что ведь мог жить там, веселиться, прожигать жизнь по вечерам после работы и соблазнять красивых девушек. Всё было в моём распоряжении, но я отказался. Я сам выбрал серый спальный район, свою тесную и разбитую конуру и этот соблазнительный вид из окна. Неплохо иметь красивую жизнь, быть в центре внимания, вести этот сумасбродный танец жизни и сгорать в круговороте похмельных дней. Но ещё лучше тешить своё самолюбие, быть в стороне от назойливого шума тесных улиц, спокойно проводить вечера с чашечкой кофе у раскрытого окна и просто смотреть на горизонт. На то, как люди в центре сгорают в пламени животных страстей, как выжигают в себе всё человеческое ради минутной слабости и отдаются в плен всепожирающему дурману. А ты наблюдаешь, как рождаются и умирают новые огни, как возносятся и гибнут безликие звёзды, и самодовольно улыбаешься, гордый собой, а затем делаешь очередной глоток крепкого кофе и своей незаметной жизни.

Что может быть лучше, чем осознавать, что у тебя был выбор и ты ступил на иной путь – простого человека, возможно чуточку умнее и скромнее остальных. А на тот мир, сотканный из дорогих тканей красивой жизни, лучше всего смотреть издали и лишь изредка совершать короткие визиты, чтобы лишний раз почувствовать, как же ты любишь свою дряхлую, но уютную лачугу. Иногда, чтобы тебя заметили, чтобы нести свет людям, не нужно провоцировать настоящий пожар и сгорать, раздувая под собой пламя, сжигая всех и всё вокруг, достаточно научиться светить. Спальные районы стали именно таким местом, пристанищем для тех, кто хочет найти в себе этот незамысловатый, но тёплый свет. Пусть тут царил тоскливая всепроникающая обыденность, которой насквозь пропитался воздух, но именно она заставляла стремиться к свету. Сначала я удивлялся, зачем город разделили на две части: обычную и мир рекламы и небоскрёбов, – соединили их широкой автострадой и отгородились от основной части населения, но потом я понял, что так было гораздо лучше. Намного приятнее жить подальше от суматохи улиц и какофонии огромного мегаполиса.

По этой автостраде, соединяющей два мира, мы и ехали всё это время. Вдоль шоссе, почти по всей его длине, тянулась мрачная и пустынная равнина из грязного травяного настила. И почему Павел выбрал именно его как место для наблюдения? Непонятно. Вероятнее всего, его туда просто назначили, сослали за какую-то провинность.

Две части одного города, противоположные друг другу, но составляющие единое целое, – это наш новый идеальный мир, который мы назвали Системой. Пожалуй, только в её центре можно ощутить всё величие этого творения: большое количество людей, высокие и красивые дома, исполинские небоскрёбы и активно бурлящая жизнь. Сейчас мы как раз въезжали в окрестности такого шумного района. По обеим сторонам дороги всё чаще стали появляться дома, какие-то небольшие заведения, которые уже давно были открыты в столь позднее утро, но при этом оставались неестественно безлюдными. Дожливая и прохладная погода в последнее время распугала всех клиентов. Кире пришлось значительно сбавить ход из-за обилия машин на дороге и наглых пешеходов, перебегающих проезжую часть перед самым бампером. Лавировать в столь бурном потоке становилось сложнее с каждой минутой. Всё это сильно не нравилось Кире, она заметно нервничала и бормотала что-то себе под нос.

– Проклятье! Через эти дебри мы теперь и к обеду не доберёмся, – прошипела напарница, потом обогнала очередной автомобиль и снова дала газу.

В это время на приборной панели что-то запищало и в её центре развернулось окно собственной Консоли автомобиля. Моё сердце на мгновение замерло, а в голове взорвался целый ворох различных оправданий. По всей видимости, Кира разделяла мои смешанные чувства, так как смущённо посмотрела на полупрозрачное окно перед собой, стараясь при этом никого не задеть в жутко будничном потоке автомобилей. Мы были уверены, что нас вызывают не для сладких речей, а чтобы сделать выговор за опоздание на важное собрание. Но всё оказалось гораздо хуже. День начинался очень прескверно...

– Отряд «Феникс», это Башня. Приём. – Женский голос оператора звучал неестественно, будто пропущенный через несколько специальных фильтров. – Отряд «Феникс»...

Я посмотрел на Киру и решительно прикоснулся к экрану Консоли.

– «Феникс» на связи.

– «Феникс», поступил тревожный сигнал по адресу: улица Южная, дом двадцать, квартира шестнадцать. Наблюдателем замечена группа вооружённых лиц, скрывшихся в квартире по указанному адресу. Численность Отступников точно установить не удалось. Группа вооружена и очень опасна. Также поступила информация, что к этому, скорее всего, причастны Кукловоды. Граждане обвиняются в нарушении Основного закона Системы и приговорены к отключению. По нашим данным вы ближе всего к месту происшествия. Отряд «Феникс», немедленно привести приговор в исполнение! Как поняли? Приём.

– Башня, вас поняли, выполняем. Конец связи.

Пока дама-оператор сухим голосом чеканила стандартную информацию, на экране Консоли вырисовывалась карта города с указанием нашего местоположения, откуда красной змейкой побежала линия к месту назначения. Как только я подтвердил получение приказа, полупрозрачное окно дрогнуло и испарилось. На тот случай если мы вдруг забудем адрес – а такое случилось, – информация всегда дублировалась на наши личные Консоли.

Мы недоумённо посмотрели друг на друга и не знали, радоваться нам или нет такому, внезапно свалившемуся, способу избежать выговора.

– Нет, ты слышал? – Кира вышла из ступора и хмыкнула. – Вы, говорит, ближе всех к месту! Ага, ближе, если считать, что все остальные отряды уже в башне на собрании. Они ещё и издеваются!

– Вот теперь мы точно не успеем.

– Зато всегда можем успеть на тот свет. Мне кажется, это намного интереснее скучных собраний. Правда ведь, Стил?

– Это точно, – усмехнулся я. – Давай, Кир, поворачивай, не хватало нам ещё и туда опоздать.

* * *

Название улицы было выбрано неслучайно: она находилась на самой южной стороне города. Конечно, я имею в виду его центральную часть, въезд в которую также располагался на юге. Поэтому неудивительно, что мы оказались ближе всех к назначенному адресу, всего в паре кварталов от места, где нас настиг сигнал вызова. Кире пришлось свернуть с первоначального маршрута, проехать по паре узких закоулков и выехать на тихую, неприветливую улочку. Неприметные и невысокие дома, пустынные серые дворы и до боли знакомый дух обречённости. Всё выглядело так, будто мы снова вернулись в мою родную спальную часть города, что закономерно. Это словно изнанка нашего мира. Снаружи глянцевого налёта, улыбочивые лица, отражённые в красивых витринах бесполезной роскоши. Но стоит копнуть глубже, свернуть за угол, пройти немного дальше – и окунёшься в реальный мир, где толпы безликих винтиков и огромный слой механизмов питают это иллюзорное величие. Ты увидишь множество задумчивых и печальных лиц, чьи утомлённые образы отразятся в океане отчаяния и разочарования жизнью. Разве об этом мечтали наши создатели и идеологи нового мира? Разве этого хотели люди? Быть вечными титанами, Атлантами, держащими на своих плечах несоизмеримую ношу, лучезарное небо, где они никогда не будут... Небо, что создано не для них...

Чтобы не привлекать лишнего внимания, Кира остановила машину за углом нужного нам дома. Во дворах мы никого не встретили, и все они выглядели одинаково опустевшими, но трудно ожидать другого. Эти улицы всегда служили приютом для обездоленной тишины, а тут ещё дождь грозно пузырился на асфальте, отпугивая последних смельчаков. К счастью, нам это только на руку, лишнее внимание совсем ни к чему. Мало того что высока вероятность вспугнуть Отступников, так ещё и обычные граждане могли увидеть нас с оружием в руках, а значит, снова выслушивать осуждения и привлекать к работе Техников. Для такого ужасного утра неприятностей и так уже было в избытке.

Я потянулся на заднее сиденье за своим мечом.

– О господи, ты не мог выбрать себе мясорубку покороче? К чему такая длинная шпала? – с разочарованным придыханием спросила Кира. – Вот поэтому ты его везде забываешь. Сколько с тобой работаю, столько и удивляюсь. Оружие нужно носить с собой, иначе могут быть серьёзные последствия. Вот как я, смотри!

Кира распахнула левую сторону куртки, где оказался спрятан огромный нож, пристёгнутый к подкладке. Скорее, это был даже не нож, а настоящий тесак с большим и широким

клинком, плавно переходящим в рукоять, но при этом всё равно удобно скрытый под одеждой. Как только Палачи могут носить их постоянно? Не понимаю.

– Это у тебя мясорубка, а у меня старинный меч славных воинов одной островной цивилизации, были такие в древности. Как только я увидел их в Главном Музее Прошлого, так сразу и влюбился, – сказал я с небольшой обидой, вылезая из автомобиля и захлопывая дверцу.

– В кого влюбился? В этих самых островитян? – Кира захихикала и чуть было не ударилась головой, пока выходила из машины.

– Очень смешно! Не в них, а в их мечи. Настолько они меня заворожили, что я заказал себе один для работы. Шикарная вещь!

Я запрокинул меч за спину и удостоверился, что ремешок, который цеплялся к ножнам, крепко держится поперёк груди. Чёрные рукоять клинка и ножны отлично сливались с моей кожаной курткой. Сначала мне тоже выдали тесак, как у Киры, ведь это стандартный нож для Палача, но мне он совершенно не понравился. Не было в нём какого-то особого изящества, тонкости работы и чувства важности от выполняемой миссии. С ним я действительно ощущал себя мясником на скотобойне.

– И ещё... – Я дождался, когда Кира захлопнет дверцу и обратит на меня внимание. – Он не длинный, он *элегантный*!

– Ага, элегантный. Только потом ничего не говори, когда тебе *элегантно* воткнут нож в спину, пока ты будешь вытаскивать свой *элегантный* меч. Я уж молчу про то, что он как две капли воды похож на стандартное оружие, сам знаешь кого. Уже мечтаешь о лаврах Хранителей, да?

– Я не виноват, что мне нравится их оружие, точнее, нам нравится одно и то же, – пробубнил я.

– С этого и нужно начинать, а то элегантный, элегантный.

Кира победно улыбнулась и пошла в направлении домов, а я лишь нахмурился и обиженно побрёл следом. Вскоре на бетонной стене мы заметили небольшую и невзрачную табличку с номером двадцать – это определённо нужный нам дом. Правда, мы нашли его не сразу: он хорошо прятался в глубине тенистых улочек, скрываясь подальше от людских глаз.

Подойдя к углу дома, я осторожно выглянул. Весь двор пустовал, район будто разом вымер.

– Никого. – Я заметил, как непроизвольно перешёл на шёпот, почти заглушаемый шорохом дождя. – Думаю, оружие можно создать прямо здесь.

– Забыл, что недавно говорили Техники? Они же запретили использовать Создание, пока не разберутся в сбоях Системы. – Кира, секунду назад кричащая на всю улицу о моей любви к островитянам, сама неожиданно поддержала игру в шёпот.

– Издеваешься? Ты слышала, что сказал оператор? Хочешь со своим тесаком кидаться на толпу вооружённых людей? – Я приглушил голос, как мог, но так, чтобы Кира расслышала меня. – Тем более я абсолютно уверен, что запрет не касался использования служебного оружия. Со своей погодой они будут разбираться ещё тысячу лет, а у нас тут такое творится, что похуже дождика станется.

Кира не собиралась продолжать этот спор, да и сама не любила всевозможные запреты. Но почему-то именно сейчас ей захотелось погеройствовать, показать себя прилежной законницей, а скорее всего, просто представился хороший шанс упрекнуть меня в нарушении правил. На словах она часто проявляла свой бунтарский дух, но на деле никогда не упускала возможности прочитать мне парочку нотаций и нравоучений. Я привык к этому и даже научился ценить её показное лицемерие.

Привычным жестом я провёл пальцами по воздуху, и передо мной раскрылось окно Консоли. Кира послушно последовала моему примеру. Недолго думая, ткнул пальцем в раздел «Доступная амуниция». Изображение на призрачном экране сменилось, и появилась всего

одна строчка, где был указан мой служебный пистолет. Красивое и мощное оружие с удлинённым стволом и великолепной пробивной силой. Мне всегда нравилось, как он лежал в руке, его отдача и вес. За всё время службы я настолько привык и породнился с ним, что при одном только воспоминании уже начинал ощущать его тяжесть и холодную чёрную сталь в руках. Рядом со строчкой, где светилось название моего пистолета, красовалась небольшая кнопка с надписью «Создать», а следом иконка патронов, позволявшая добавить дополнительные магазины.

Я прикоснулся к нужной кнопке, и окно Консоли мгновенно схлопнулось, а воздух вокруг этого места заметно задрожал, возмущённый нашим вероломством. Больше всего это похоже на своеобразную рябь на безмятежной водной глади, когда кто-то кидает в неё камень. Внезапно в воздухе появилась тёмная точка, затем резко дёрнулась и полетела, оставляя за собой след из чётких и правильных линий. Будто карандашом, она вырисовывала мне контуры оружия, его внутренностей, механизмы, которые складывались и собирались в единое целое, кружась в затейливом вихре. Весь процесс занимал не так много времени, как могло показаться, всего пару секунд, но каждый раз моё сердце замирало от восхищения. Одно мгновение – и в воздухе возник мой служебный вершитель правосудия. Что-то в нём слабо щёлкнуло, и он начал падать, обретая свой вес, значимость и подчиняясь физическим законам нашего мира. Я был готов к этому и привычным ловким движением успел его подхватить, как только он устремился вниз, подгоняемый безразличными каплями дождя. Тяжёлое и родное оружие вернулось к своему хозяину, приятно оттягивая руку, но давая понять, что все двадцать четыре патрона на месте.

Я повернулся к Кире, но она уже стояла наготове со своим любимым пистолетом-пулемётом, который однажды выбила у начальства взамен стандартного тяжёлого орудия, что для девушки, пусть и Стража, было слишком громоздким. Её оружие больше походило на небольшой автомат: две рукоятки, чтобы снизить отдачу при выстреле, и очень длинный магазин между ними. Он отличался колоссальной скоростью стрельбы, для чего и предназначался такой длинный магазин, иначе весь боезапас израсходовался бы за считанные секунды.

– Пошли, – кивнул я напарнице.

Она ответила тем же.

Мы выскочили из-за угла здания и посеменили к подъезду, подгоняемые противным дождём, при этом постоянно оглядывались и старались как можно ближе держаться к стене, чтобы нас не заметили. Из-за всей этой возни с оружием и прочей моральной подготовкой в подъезд мы вошли уже насквозь промокшими. Отряхнулись немного, переглянулись и начали осторожно подниматься по лестнице, держа оружие наготове. Дом был небольшим, бетонным, четырёхэтажным и напоминал мой собственный, поэтому мечтать о лифте тут даже не приходилось.

– Какая квартира? – спросил я шёпотом, когда мы были на втором этаже.

– Шестнадцатая...

Я осмотрелся на этаже и на тесном пространстве обнаружил только четыре двери, отстоящих друг от друга на равном удалении. Судя по знакомой планировке здания, здесь были такие же крошечные квартирki, как и в моём доме.

– Нам на самый верх, – заключил я и зачем-то посмотрел на потолок.

В подъезде было очень тихо. Мы ступали осторожно, стараясь не издавать лишнего шума. Когда достигли последнего этажа, то услышали приглушённую музыку, играющую в одной из квартир. Но вскоре выяснилось, что она звучала как раз из-за нужной нам двери с номером шестнадцать. Мы медленно приблизились, прислушались, но, к сожалению, ничего, кроме музыки, оттуда не доносилось.

– Специально врубили, чтобы никто не слышал, чем они там занимаются и какие планы строят, – прошептала Кира.

– Сейчас выясним, – ответил я, затем улыбнулся, спрятал пистолет за спину и громко воскликнул: – Это не музыка, это грохот какой-то! Это возмутительно, я буду жаловаться!

Напарница примкнула к стене слева от входа и взяла оружие наизготовку, а я убедился лишний раз, что вокруг никого, и пару раз сильно постучал кулаком по двери. Потом опомнился, снял с себя меч и отдал Кире, но та лишь пренебрежительно посмотрела в ответ и только потом забрала его, демонстрируя явное недовольство. Вообще, входная дверь выглядела очень хлипкой, и мне бы не составило большого труда выбить её ногой, но вот так врываться неизвестно куда было очень рискованно. Так мы простояли некоторое время, прислушиваясь к малейшим шорохам и напряжённые до предела, но реакции не последовало. Музыка продолжала резвиться за дверью, и никто не спешил встречать дорогих гостей.

Мы переглянулись. Кира выразительно пожала плечами, после чего я снова и ещё сильнее ударил по двери. Казалось, приложи я немного больше усилий – пробил бы в ней кулаком огромную дыру. Но в этот раз музыка внезапно оборвалась, и послышалось неясное бормотание.

– Хозяин! – призывно крикнул я.

К нашему счастью, на двери не было специального глазка, и сомневаюсь, что здесь установлена какая-либо система видеонаблюдения, иначе весь мой гениальный план мог провалиться в тот же момент, а меня бы давно изрешетили пулями сквозь хлипкую преграду.

После некоторого затишья дверь медленно отворилась, и мне навстречу шагнул бритоголовый мужчина среднего роста, но с внушительной комплекцией и лицом, выражающим крайнее презрение ко всему на свете. Я сразу подметил, что он полностью одет и всё ещё мокрый от дождя, а значит, совсем недавно пришёл с улицы. Мужчина со злостью взглянул на меня и немного прикрыл за собой дверь.

– Кто ты? Чего тебе надо? – рявкнул он.

Как и планировалось, он не заметил Киру, стоящую сбоку от двери, а был увлечён только мной. Я замер, не переставая прожигать его взглядом, и в ожидании держал правую руку за спиной, с готовностью сжимая свой пистолет.

– Здравствуйте! Я ваш сосед сверху. Что за паршивую музыку вы тут врубили? Вы мешаете спать моему ребёнку, выключите её немедленно!

Я был настолько увлечён, пытаюсь разглядеть через оставленную щель, что происходит в комнате за спиной у громилы, что допустил роковую ошибку. Я не сразу вспомнил, что мы находимся на последнем этаже и уж точно не могли жить на крыше. Слава богу, этот громила тоже на время призадумался, обрабатывая сложную для себя информацию. Он явственно ощущал фальшь в моих словах, но никак не мог сообразить, в чём именно. Этого времени хватило, чтобы рассмотреть в помещении человека с пистолетом, который разместился за перегородкой кухни и наблюдал за происходящим. Я сразу узнал в квартире до жути знакомую планировку, что видел сквозь сонную пелену каждое утро.

Бритоголовый закончил обдумывать мой дешёвый спектакль и сначала открыл рот, желая что-то сказать, но потом резко рванул в квартиру, пытаюсь закрыть за собой дверь. Моя реакция была невероятно быстрой. Со всей силой и яростью я пнул по закрывающейся двери, и та с громким шлепком ударила громилу по лбу, от чего тот отлетел вглубь комнаты. Резким взмахом я вытянул руку с пистолетом из-за спины и уже хотел с криком «Всем бросить оружие!» ворваться в маленькую комнатку, как заметил, что прямо напротив двери на красном потрёпанном диване восседал помпезного вида мужчина с увесистым дробовиком наперевес. В мгновение ока он оказался на ногах и с наставленным на меня дулом. Всего за долю секунды до того, как прозвучал выстрел, я успел отскочить назад, спрятаться справа от входа и прижаться к стене. Вспышка, громкий хлопок – и картечь со свистом пронеслась мимо, с грохотом ударяясь в противоположную от двери стену. За первым ударом последовали звук перезарядки и новый выстрел. Железными зубами он выгрыз и раскрошил часть косяка рядом со мной.

– Ого, похоже, я им чем-то не понравился! – попытался я сохранить хладнокровие и оптимизм. – Как думаешь, может, я был слишком груб в гостях?

– Скорее, их разозлило то, что ты назвал их музыку паршивой. На, держи свой кусок элегантности! – сказала Кира и бросила мне меч.

Раздались залиvistые пистолетные выстрелы. Вероятно, людей в комнате спровоцировал неизвестный предмет, пролетающий через дверной проём. Их можно понять: парни на взводе, не каждый день к ним приходят Палачи, тем более они только узнали, что я не один. Я поймал свой меч и снова закинул за спину.

– Приказываю вам сложить оружие и сдаться! – крикнул я, прекрасно понимая, что такого исхода для них не предусмотрено.

– Умри, Страж! – донеслось из комнаты яростным громовым раскатом.

Для пущей уверенности прозвучал ещё один выстрел картечью и снова в направлении моего косяка.

– Вы обвиняетесь в нарушении Основного закона Системы, а приговор для Отступников – отключение! – устрасшающе выкрикнула Кира.

После этих слов она сразу же высунула руку с мини-автоматом из-за угла и вслепую нажала на спусковой крючок. Оружие дёрнулось, изрыгая длинный поток огня и целый град пуль. Скорострельность была настолько высока, что звук стрельбы сливался в один протяжённый вой озлобленного зверя. Кира выпустила длинную очередь, покрывая свинцовым градом всю площадь перед дверью, и затем убрала оружие. Гильзы от пистолетных патронов сверкающим потоком осыпались на пол, где звонко отскакивали и сразу же исчезали, испаряясь прямо в воздухе. Подобные вмешательства в фундаментальные законы Системы совершались намеренно, чтобы оставалось как можно меньше следов насильственных действий как Отступников, так и Стражей. После того как Кира выпустила целый рой маленьких смертей, она быстро заглянула в квартиру, оценивая ситуацию, и снова вернулась в укрытие.

Я вопросительно посмотрел на напарницу, и та, немного подумав, на пальцах показала, что в комнате находится три человека. Наступила тишина. Я тоже выглянул в дверной проём и увидел всё тот же красный диван, но теперь испещрённый небольшими отверстиями от смертельного ливня. Впрочем, и вся площадь вокруг теперь больше напоминала решето. Краем глаза удалось заметить за спинкой дивана небольшое шевеление. Бывшие вооружённые смельчаки теперь трусливо прятались за ней и боялись высунуться, напуганные шквалом огня от Киры. К сожалению, её оружие хоть и страшное по действию, но совсем неэффективное и не способно пробить даже обычную мебель. Но всё, что касалось устрашения, действовало отменно. К счастью, это не относилось к стандартному оружию Палачей. Может, оно не внушало животный страх, но по мощи превосходило многократно.

Я смело ворвался в помещение, вскинул оружие и нажал на спусковой крючок. Пистолет сильно дёрнулся, раздался громкий звук, больше смахивающий на выстрел из пушки, ствол грозно выдохнул струю огня, откатывая затвор и посылая неудержимый крупнокалиберный снаряд на встречу с судьбой. Со свистом рассекая воздух, пуля вонзилась в истлевшее тело квартирной мебели и пробила его насквозь, чтобы окончить свой путь в бетонной стене позади. Я спускал курок раз за разом, попадая в диван в разных местах, и с каждым выстрелом подходил всё ближе. Нервы у Отступников не выдержали, и два человека ринулись из-за укрытия в разные стороны, надеясь найти безопасное место за другой квартирной утварью. Отточенные движения рукой, доля секунды, два быстрых выстрела – и оба безуспешных беглеца, раскинув руки, начали падать на пол. Но, к моему большому изумлению, их тела так и не достигли пола. Они испарились: распались на тысячи мелких кусочков и растворились в воздухе за считанные секунды.

Я немного замешкался, наблюдая за ними, как вдруг из-за спинки дивана вынырнул тот самый тип с дробовиком. В последний момент я рванул в сторону и повалился на пол всего

за миг до того, как картечь настигла бы меня. Вслед за его выстрелом снова зазвучал знакомый протяжный вой, и новый рой свинцовых пчёл кровожадно впился Отступнику прямо в грудь. Мужчина уронил дробовик под напором десятка маленьких, но очень точных ударов, отшатнулся к стене, прижался к ней и безжизненно осел на пол. Глаза и рот при этом остались широко открыты. Похоже, он не ожидал, что сегодня умрёт так рано.

Кира вошла в комнату, опустила дымящийся ствол автомата и посмотрела на свою недавнюю цель, которая застыла в неестественной позе у стены. Потом перевела взгляд на меня.

– И не благодари, – сказала она, подмигнув одним глазом.

Я встал на ноги и задумчиво взглянул на то место, где должен был лежать один из моих подстреленных трофеев.

– Призраки... – подсказала Кира, подходя ближе.

– Что они тут забыли?

Только Кира хотела что-то ответить, как до нас донёлся резкий и сдавленный кашель. Мы мгновенно обернулись на источник звука и направили на него оружие. Кашель доносился из-за кухонной перегородки. Мы бросили друг другу многозначительные взгляды и медленно пошли к источнику, постоянно удерживая его на прицеле. Так же, как в моей квартире, здесь не было стены между комнатой и кухней, их разделяла только невысокая перегородка, одновременно служившая разделочным столом.

Мы осторожно за неё заглянули и увидели нашего старого знакомого. Он сидел спиной к этой самой перегородке и держался за простреленный живот. Ему сегодня точно не везло. Сначала получил дверью по лицу, от чего у него оказался сломан нос и кровь заливала весь подбородок, а потом, судя по всему, он не успел спрятаться от свинцового шторма. Сейчас громко смотрел на нас, гордо захлёбываясь кровью, но всё с той же ноткой презрения в глазах. У него не было с собой оружия, он лишь обречённо ждал своей участи, пытаясь зажать руками зияющую рану в животе. Пальцы сильно дрожали, пока сквозь них хлестала бурая жидкость, стекающая в огромную лужу под ногами.

Я убрал пистолет за пояс и присел рядом с ним.

– И как мы могли забыть нашего милого швейцара? Как твоё имя, Отступник?

– П-пошёл к чёрту... – Бритоголовый еле шевелил губами, боясь захлебнуться собственной кровью, и каждое слово ему давалось с большим трудом.

Я молча взял его правую руку и провёл своими пальцами по запястью, где был вшит чип Консоли. Передо мной открылось небольшое окно со всеми его данными.

– Так, что тут у нас? Ага, гражданин Алекс Китов, сорок два года... Кто же вы, и что тут забыли? – задал я, скорее, риторический вопрос.

В ответ на это мужчина смог изобразить только гримасу боли, совмещённую с натяжной улыбкой, а потом снова закашлялся. Его дыхание стало тяжёлым и прерывистым, и я понял, что времени у него почти не осталось. Кира же предпочла наблюдать за всем этим со стороны и старалась не вмешиваться.

– Алекс, что здесь делали Призраки? – Я сделал свой голос как можно серьёзнее и старался говорить очень чётко. – Что это за встреча, о чём вы с ними говорили?

– С-скоро ты умрёшь, Страж. – Китов говорил из последних сил, каждое его слово становилось всё натужнее и тише. – Скоро вы все сдохните...

Последнее слово он проглотил, глаза устало закатились, и он весь обмяк, завалившись набок.

– Думаю, нам надо скорей вернуться в башню и обо всём доложить, – сказала Кира.

– Да, пожалуй, ты права, давай покончим с этим, – ответил я и поднялся на ноги.

Я достал меч из ножен и резким движением рубанул по правой руке Алекса чуть выше запястья. Рука отскочила и моментально исчезла в воздухе, а на пол приземлился только крошечный квадратный чип. Тело, оставшись без своего якоря в этом мире, также поспешило

разбиться на множество мелких кусочков и навсегда покинуть этот тихий уголок нашего рая. Я наклонился и поднял чип, а Кира тем временем умело орудовала тесаком, извлекая такое же устройство из тела своей жертвы с помповым ружьём.

– А это будет мой трофей, – сказала она с недоброй улыбкой, показывая мне чип, и положила его в карман.

Мы быстро обследовали квартиру, заглянули во все уголки и шкафчики, но ничего не обнаружили, даже холодильник оказался пустым, грязным и поросшим слоем забвения. Здесь уже давно никто не жил, и, скорее всего, эту квартиру использовали для тайных встреч или собраний. Нужно будет направить сюда отряд Ишеек, пусть получше всё обыщут, и, возможно, нам удастся найти хоть какую-нибудь лазейку.

Наконец мы направились к выходу, где я задержался у двери, ещё раз окинул взглядом израненное жилище и вдохнул запах недавней смерти, густо перемешанный с порохом.

– Надо вызвать кого-нибудь для зачистки, а ещё целую кучу Техников после всего шума, что мы наделали, – сказал я вдогонку уже покидающей помещение Кире.

Затем и сам вышел в коридор, закрыв за собой покосившуюся дверь.

Можно представить, что ничего и не было. Обычное утро обычного города и обычной жизни. Но не о такой жизни мечтали люди, строившие наш новый мир. Все мечты когда-нибудь разбиваются, разочаровывают тебя, обманывают ожидания, являясь не в том виде, в каком рождались малой искоркой в наивном детском сознании. Мечта сбывается, но превращается в извращённое отражение своей чистой первоначальной сущности. Они не должны сбываться, а лучше и вовсе никогда не мечтать.

Глава 1. Падший ангел

А вам знакома гордыня? Это коварное, подлое и надменное чудовище, что живёт в каждом из нас, управляет жизнью и поведением, преисполняет и переполняет душу, ставит мнимые цели, искажает понятия о чести и правде. Кто впустил гордыню в наши жизни? Кто дал ей право безнаказанно резвиться и топтать всё человеческое, что ещё осталось в людях? Быть может, сама природа повинна в этом и нет никакой трагедии? Возможно, это у людей в крови, и тогда не стоит так переживать о поступках, совершённых в порыве доказать что-то другим и самому себе. Но правильно ли это? Как далеко мы ушли от животных в их бессмысленном цикле существования, в их вечном стремлении идти той дорожкой из жёлтого кирпича, что вымостила для них непреодолимая сила природы? Готовы ли мы делать шаги навстречу чему-то большему, чему-то более великому и не предначертанному, чем слепое повиновение остаткам природного зова и смиренное упование на неизменность своего пути? Нет, люди не готовы называться людьми, они всего-навсего дети. Они стремятся подчиняться желаниям и страстям, поддаваться слабостям и тешить только себя любимых до самой смерти. Ведь так не хочется замечать всех остальных рядом с собой, их нужды, желания и мечты. Нет, их нужно только топтать и топтать, выражать во всеуслышание свои детские капризы, требовать уважения и признания и смертельно бояться взрослеть. Иногда бывает невыносимо трудно сделать всего один маленький, но важный шаг, особенно когда нужно переступить через себя, через собственное раздутое эго, разрушить бесконечную стену самомнения, выстроенную в течение всей жизни для защиты своей животной сущности.

Возможно, нет никакого природного начала. Скорее, это лишь уловка, оправдание для самих себя и других, желание объяснить свой эгоизм, честолюбие и алчность естественным происхождением пороков, их особым местом в истории и жизни человека. Мы сами породили это чудовище, сами взрастили и воспитали, лелеяли свои пороки как часть самих себя. Может, только так – возводя стену самомнения, считая себя лучше других, центром мироздания – мы чувствовали себя менее одинокими, но получилось всё строго наоборот.

Издревле человек пытался выделиться из толпы, быть лучше, умнее, красивее и крайне расстраивался, если узнавал, что кто-то обошёл его в этом нелепом соревновании. Он получал сокрушительный удар по своему самолюбию, и уязвлённая гордость пыталась всячески залатать огромную дыру, образовавшуюся после такого потрясения. И тогда он начинал тешить и взращивать свою гордыню, придумывать тысячи отговорок для своих неудач, находить несуществующие достоинства, строить вокруг себя защитную стену из кирпичей раздутого эго. За ней он мог жить и больше не бояться быть униженным, возводить свою личную башню, высокую и крепкую, где он самый главный.

Но все эти башенки эгоизма, которые кажутся своим хозяевам громадными и очень значимыми, на самом деле в глазах других всего лишь частокол из разбитых судеб и людей, что обрекли себя на одиночество и будут вынуждены вечно вариться в котле нарциссизма. И чем больше в обществе выстроено башен, чем чаще и кучнее частокол, тем труднее пробираться сквозь него другим людям, тем ярче проявляется разобщённость. Чаще всего с этим явлением даже не борются, не пытаются направить человека на путь самосовершенствования, на путь созидания мостов, а не стен и башен, а наоборот, этому потакают и всячески поощряют. Некоторые люди используют такой частокол в личных целях и амбициях, как фундамент для возведения монолита личной гордыни, и чем больше башен в основании, тем устойчивее их узурпированное сиделище на плечах угнетённых масс. Но чем сильнее гордыня покоряет человеческие сердца, тем выше и тяжелее становится этот монолит, тем больше он раздувается и не может остановиться. В этом суть извращённого эго: с каждым жизненным шагом оно будет лишь расти, наполняться массой, и в один прекрасный момент башня на плечах Атланта станет

настолько огромной и тяжёлой, что ломает свой выстроенный фундамент. Тогда титан сбросит её со своих плеч и растопчет в порыве бездумной ярости.

Увы, даже наш славный город этот порок не смог обойти стороной. У нас был собственный монолит гордыни, башня силы, что призвана внушать трепет и осознание власти, довлеющей над всеми. Вообще, весь центр города ярко и громко заявлял о своей значимости. Многочисленные небоскрёбы вздымались кучной грибницей, прижимаясь друг к другу тесными рядами, и, казалось, застыли в немом соперничестве за звание самого высокого здания. Широкие дороги, будто паутиной, опутывали всё вокруг, а суетливые и шумные нескончаемые потоки транспорта сновали во все стороны. Люди вечно куда-то спешили и всегда опаздывали. Даже обретая бессмертие, не успевали жить. Постепенно они покидали уютные автомобили, чтобы выплеснуть свою нетерпеливость на улицы. Плавная и равномерно гудящая металлическая река незаметно сменялась другой: оживлённой, подвижной, движущейся по замысловатой траектории и торопящейся по своим делам.

Люди настолько привыкли плыть по этому течению, что умудрялись никого не задевать, искусно огибали друг друга, лавировали между встречными потоками и подчинялись до автоматизма отточенным рефлексам. Всё это похоже на безумно красивый танец: чёткие и плавные движения, невероятная синхронность. Металлическая река делала пару кульбитов и закрученных па, а затем передавала эстафету людям, которые подхватывали ритм и кружили-кружили в круговороте дней. Не зря центр города часто называли его сердцем. С высоты птичьего полёта все эти потоки людских масс напоминали артерии и капилляры, огромную разветвлённую кровеносную систему, по которой струилась жизнь нашего города, питала его сердце, наполняя энергией и смыслом.

Потоки заполняли башни, заставляя их биться, возрождаться новой жизнью. У их подножья суетливо расхаживали кокетливые барышни и с нескрываемым восхищением рассматривали бесконечные ряды дорогих бутиков, застывших во времени манекенов, демонстрирующих очередной виток нездоровой фантазии дизайнеров, а также бессчётное количество центров коррекции образа. В последнее время стало чрезвычайно модно менять себя, подстраиваться под чужие стандарты и идеалы красоты. Люди совсем забыли, каково это – быть самим собой, многие уже даже не помнят, кем они были и как выглядят на самом деле. Нет предела человеческому совершенству, но самое главное – нет предела человеческой глупости.

Но как бы горделиво ни возвышались эти небоскрёбы, им никогда не сравниться с главным зданием в городе. Самый центр венчала гигантская изысканная башня из стекла и бетона, упрямой стрелой уходящая в небо. Все прочие высотки по сравнению с ней казались простыми придворными шутами, мелкими прислужниками у трона могучего правителя. Огромным властным копьём она пронзала безжизненное небо, а верхушка терялась среди мрачных перин облаков и поблёскивала оттуда сумрачным светом. Башня внушала трепет и даже страх в сердца тех, кто посмел обратить на неё внимание. В её резких зеркальных гранях отражалась кипучая жизнь города, а по утрам башня первая встречала солнце, ловила его нежный лучистый свет и сияла, подобно маяку, ведущему наш общий корабль к лучшей жизни.

Это был наш дом, башня Стражей – единственный управляющий и карающий орган в Системе. Она служила грозным символом нашей власти и могущества, гарантом беспрекословного подчинения Основному закону и обителью для защитников хрупкого равновесия в этом мире. У людей должна быть уверенность, что есть те, кто оберегает их покой круглые сутки, кто следит, чтобы на дороге в будущее не встречалось препятствий. Каждый человек в любой точке города, даже в его спальной части, мог взглянуть в сторону центра и увидеть её – башню, грозно отринувшую устои старого мира и устремлённую ввысь, в небо, зовущую за собой к заветной мечте.

Но, с другой стороны, так гласила теория, а на практике Стражи избегали публичности, предпочитая вести свою работу тайно, незримо растворяясь в жизни города. Жителей Системы

не стоит тревожить плохими мыслями и образами, они не должны лишний раз задумываться о предназначении службы Стражей. Именно поэтому башня стала главным символом противоречивости нашего мира. Она горделиво вздымалась над городом, но предпочитала не кричать на весь мир о своём предназначении: вывеска над дверью отсутствовала, а зеркальные стены безучастно отражали действительность, скрывая за собой всё, что происходит внутри, и всех, кто заселяет сей прекрасный объект архитектурной мысли. Поговаривают, что со временем люди свыклись с присутствием этого исполина и вовсе перестали его замечать, вспоминая о Стражах только в час нужды и лишений. Лишь некоторые обращали свой взор на башню, но видели в ней ещё один безликий небоскрёб с важными людьми в красивых костюмах. Стражей такое положение вполне устраивало: чем меньше жители вспоминают о карающем органе, тем спокойнее живут.

Было уже около одиннадцати часов, когда Кира вырулила на стоянку перед башней Стражей...

* * *

По пути от улицы Южной мы умудрились несколько раз застрять в пробке на узеньких дорогах оживлённой части мегаполиса и даже заблудились во дворах, пока пытались объехать затор у гигантского офисного здания. После череды всех этих опасных, но невероятно скучных приключений мы только к одиннадцати смогли прорваться в центр города к подножию башни Стражей. Собрание должно было начаться уже час назад, и за такое опоздание нас наверняка не похвалят и даже не наградят, но теперь у нас есть отговорка: мы выполняли трудное и важное задание. По правде говоря, при этом излишне много наследили и изрядно пошумели, так что, скорее всего, настойчивых выговоров не избежать, но это уже не в первый раз.

Вообще, обязанности Палачей не особо располагают к тихой и неприметной работе, несмотря на все наши старания. Отступники редко изъявляют желание добровольно сложить оружие и отключиться от Системы не совсем безвредным способом. В основном они дают жестокий и яростный отпор, где не обходится без огнестрельного оружия и кровопролитных боёв. Это война за наше будущее, за наши общие мечты, а она никогда не проходит бесследно. Иногда очень хочется отправить тех, кто придумал эти правила, в самую гущу боя, выдать им тяжеленный стандартный тесак и заставить штурмовать засевших в укрытии Отступников, а потом попросить их быть неприметнее под шквальным огнём вражеского сопротивления. Легко придумывать правила, заседаая на вершине высокой башни.

Кира тем временем искусно лавировала в бесконечном потоке автомобилей, пытаясь поудобнее зайти в разворот, а затем втиснуться в маленькое парковочное место. Оно располагалось прямо у входа в башню и было зарезервировано лично для нас. По обе его стороны расходились длинные ряды одинаковых, блестяще чёрных машин из штатного автопарка жителей Системы. Все чистые, сверкающие под каплями дождя, металлические коробки одинаковой модели, неотличимые друг от друга, словно близнецы. Они стояли настолько плотно и кучно, что каждый раз, открывая двери, я боялся задеть соседний автомобиль, а ведь по правому боку находилась машина наших заклятых друзей и коллег из отряда «Харон». Несмотря на то, что служили мы одной благородной цели и были воспитаны в духе взаимовыручки, их заносчивый характер разбивал любые мысли о хорошем отношении. Иногда у меня проскальзывала скабрезная мысль: дать как следует ногой по дверце их автомобиля. Но Страж должен сохранять спокойствие в любой ситуации. Хотя подобные мысли всегда вызывали у меня лёгкую мечтательную улыбку, и я не спешил гнать их прочь.

Машина дёрнулась и остановилась точно по центру парковочного места. Всё-таки Кира – великолепный водитель, чего не скажешь обо мне. Я бы непременно задел один из стоящих рядом автомобилей, и у меня есть смутные подозрения, какой именно.

Кира неохотно вылезла наружу и осмотрелась.

– Похоже, все уже здесь, мы последние, – с некоторой долей разочарования заключила она.

– Неудивительно, – выбираясь наружу, ответил я и присвистнул: – Ого, сколько машин! Должно быть, все Стражи города слетелись посмотреть на наше новое начальство.

– Ага, не каждый день можно увидеть Хранителя вживую, а тем более послушать его. – Кира говорила это с явным пренебрежением и некой досадой, слегка покачивая головой. – А ты чего свой меч не взял, опять забыл?

– Не забыл, пусть в машине полежит, чтобы не мешался, – махнул я рукой.

Кира недвусмысленно закатила глаза.

– Ладно, пошли быстрее, я уже вся промокла за это стремительное утро.

Напарница потрусила к входу, а я ещё раз взглянул на небо, на уходящую в облака зеркальную стрелу величественной башни. Затем закрыл глаза и мысленно попрощался с неприятливыми небесами.

Огромные двухстворчатые двери из тёмного непрозрачного стекла почувствовали приближение двух человек и с гулким шипением разъехались в стороны. Проходившие мимо люди, похоже, вообще не обращали внимания ни на раскрытые двери, ни на башню в целом, а может, старательно делали вид, что не замечают.

Мы дружно направились внутрь и успели сделать пару шагов до того, как двери, снова угрожающе шипя, сомкнулись за нашими спинами, защищая от прохладного воздуха и мокрой взвеси, наполняющей улицы. Прозрачные с внутренней стороны стёкла позволяли наблюдать за всем суетливым потоком людей, безразлично проплывающим мимо. Но нас мало заботили мрачные пейзажи мирских будней, сейчас наши взгляды были устремлены вперёд, навстречу новым свершениям и скучным совещаниям.

Сразу за входом скрывалось большое и просторное помещение, но невероятно пустое, серое и безжизненное, навевающее грустные мысли. Здесь не было ничего: ни удобных диванчиков, ни столиков, ни декоративных растений, которые все привыкли видеть в холле любого офисного здания. Помещение выглядело нежилым и брошенным, и лишь в самом конце, прямо напротив двери, располагались два лифтовых проёма из сверкающего и блестящего металла, аккуратно утопленные в стене.

Неподалёку от них находилась полукруглая стойка из тёмно-красного лакированного дерева, отполированная до блеска, плавно переходящая в стол, за которым сидела молодая симпатичная девушка. На вид ей не больше тридцати, в бежевом костюмчике, с заправленными в пучок русыми волосами и чуть приспущенными на нос небольшими очками в тонкой оправе. В мире, свободном от воздействия физических недугов реального тела, в них уже не было необходимости, но некоторые люди продолжали использовать их в качестве своеобразного украшения или в виде специальных устройств с линзами дополненной реальности. Такие очки могли стать настоящим подспорьем в любой работе и верным помощником в жизни. Вот и сейчас девушка держала в руках какой-то документ и внимательно, очень деловито его изучала, время от времени перелистывая страницу и неодобрительно покачивая головой.

Она старательно не обращала на нас никакого внимания, хотя не могла не услышать звуки открывающейся двери и хлынувшего из-за неё шума большого мегаполиса. Впрочем, я уверен, что она ещё загодя увидела подъезжающий автомобиль и выходящих из него людей, в коих наверняка узнала старых знакомых, но теперь демонстративно пылала к нам безразличием. По одному только мимолётному силуэту, мелькнувшему за дверями, она могла опознать почти всех сотрудников башни Стражей. Невероятно умная и красивая женщина, весьма редкое сочетание. Многие сотрудники долго и безуспешно пытались пригласить её на свидание, но она всем вежливо отказывала, говоря, что уже замужем за работой и если бы не её усилия, то в этой башне вообще бы никто не работал. Безусловно, она слегка преувеличила свою роль.

Скорее она походила на обычного секретаря или работника приёмной, кто принимал заявки и жалобы от граждан, и по совместительству выступала куратором начинающих Наблюдателей, помогала им освоиться в башне и получить своё первое задание на долгом пути служению Системе. Изредка она выгоняла случайных прохожих, чудом обративших внимание на огромное здание в центре города и изящный вход из тонированного стекла, но случалось это всё реже.

Мы подошли к стойке с девушкой, и я негромко постучал по столешнице костяшками пальцев.

– Марина, привет! Добрая принцесса, скажи, как там дела в нашем королевстве?

Девушка оторвалась от изучения документа, посмотрела поверх очков и сначала поймала мою улыбку, а потом взволнованный взгляд Киры.

– «Феникс», ага, не прошло и года. – Марина отложила бумаги и скрестила перед собой ладони. – Всё шутишь? Совсем обнаглел, Стил? Спит до полудня, катается где-то, а донимают меня!

– Началось. Прямо с порога... – со вздохом прошипела Кира и отвернулась в сторону.

Марина быстро перевела взгляд, полный ненависти, на мою напарницу, а затем снова вернулась ко мне и сурово спросила:

– Что там с Южной?

– Всё в порядке. Зачистили в лучших традициях, – ответил я и подмигнул ей. – Кстати, Марин, пошли туда пару Ищеек, пусть осмотрят всё... и пару хороших Техников со знанием психологии, а то мы там немного пошумели. Отступники попались совсем несговорчивые на этот раз, добровольно отключаться отказались.

– Ох уж эти ваши «лучшие традиции»! Стил, ты свои оправдания и шуточки оставь для начальства, хорошо? Хранитель будет чрезвычайно рад послушать, как вы работаете... – Девушка сделала загадочную паузу. – Ищеек я отправлю, но только после собрания, сейчас все уже на месте и ожидают только вас. Чипы сдадите потом, а то Плотников тоже на собрании. Мигом туда!

– Марин, последний вопрос: Икаров ещё здесь?

Девушка вдруг сделалась загадочной, посмотрела по сторонам, как будто пыталась обнаружить нежелательные уши, а потом приложила ладонь к губам и прошептала:

– Сергей Геннадьевич здесь, специально ждал тебя... – Марина осеклась и бросила мимолётный взгляд на Киру. – Вас. Хотел попрощаться. Он на восьмом этаже, у зала собрания. Только быстро!

– Спасибо, Марин! – с улыбкой ответил я и потянул Киру к лифтам.

– Ты только с ней такой шутливый? – прошептала напарница мне на ухо.

– Ревнуешь? – Я расплылся в дурацкой ухмылке.

Кира громко фыркнула в ответ и замотала головой.

– Боюсь за свою репутацию. Твоя подруга, я посмотрю, тоже осталась не в особом восторге.

Я посмотрел на Марину, чтобы найти на её лице опровержение коварных слов моей напарницы, но девушка вернулась к изучению различных документов, а её строгий и внимательный взгляд выражал уже полное безразличие к окружающему миру. Можно ошибочно подумать, что Марина – немного жестокий, надменный и чёрствый человек, но это не так. Несмотря на некоторую жёсткость, хлёсткие слова, взгляды и выражения, на причуды тараканов в её голове, а также чрезмерную увлечённость своей работой, она весьма добра и отзывчива, хотя и скрывает это под толстым слоем профессиональной этики. Пару раз мне удавалось встретить её после работы, и она казалась мне совершенно другой: более мягкой, разговорчивой и непринуждённой, изредка позволяющей себе скромную улыбку. Но стоило ей вернуться в башню, войти в эти негостеприимные двери и занять своё рабочее кресло, как разом каме-

нели её сердце и душа. По неизвестной мне причине она сразу невзлюбила Киру и отчётливо испытывала к ней стойкую неприязнь. Каждый раз, когда мы возвращались в башню, она старательно делала вид, что не замечает мою напарницу, и обращалась только ко мне, а Кире доставались лишь презрительные и мимолётные взгляды. Марина хранила множество секретов, которые не спешила раскрывать, а я старался не лезть между молотом и наковальней сложных женских взаимоотношений.

Я и Кира подошли к дверям лифта и хотели нажать на кнопку вызова, но услышали, как на улице неожиданно раздался протяжный визг колёс. Штатная машина Стражей резко затормозила, развернулась к нам боком и остановилась у самого входа. Из неё выскочили двое и вытащили с заднего сидения что-то очень большое, а потом на руках потащили к входу. Двери башни с натужным шипением отворились, и в пустой холл вбежали два напуганных и промокших насквозь Стража. К сожалению, я не помню их имён, но точно знаю, что оба – Ищейки с пятого этажа, с которыми мне довелось поработать уже довольно давно. В руках они несли кого-то третьего: мужчину лет тридцати пяти в запачканной серой куртке.

Когда они приблизились к стойке, то я узнал бедолагу, ведь был с ним очень хорошо знаком. Дмитрий Сахаров – отличная Ищейка, хороший друг, верный Страж Системы и просто прекрасный человек. Много раз он помогал мне на заданиях, выслеживал Отступников и никогда не боялся смотреть в лицо опасности. Боже, что с ним случилось? Я кинулся к Ищейкам, поддержал тело и ужаснулся, взглянув на него. Сейчас уже мало что напоминало о том бравом человеке. Его голова безжизненно свисала с рук боевых товарищей, рот был слегка приоткрыт, а глаза заволокло непонятной белой пеленой. Всё лицо застыло в ужасной гримасе боли. Это было жуткое зрелище. Он весь побелел, а под кожей вокруг глаз вспучились вены, расходясь в разные стороны багровой паутиной.

– Что с ним случилось? – с досадой крикнул я.

– Нет времени, – отрезал один из Стражей и обратился к девушке за стойкой: – Марина, где Техники?

Девушка пулей вылетела из-за стола.

– Я им уже сообщила, они ждут в техническом отделе на десятом этаже. Скорее несите его в лифт!

Марина метнулась к лифту и нажала кнопку вызова. Похоже, она давно знала о произошедшем, но упорно сохраняла спокойствие при разговоре с нами.

Двери лифта почти моментально распахнулись, демонстрируя просторную и светлую кабинку, покрытую коричневым пластиком и свободно вмещающую до десяти человек. Мы втроём втащили туда Дмитрия, а Кира продолжала некоторое время стоять неподалёку и пребывать в смятении, но потом внезапно опомнилась и вслед за нами запрыгнула внутрь кабинки.

– Я помогу им, – крикнул я Марине. – Сообщи, что мы немного задержимся!

Девушка-секретарь зло посмотрела в мою сторону, но промолчала. В это время Кира неуклюже вывернулась и нажала кнопку десятого этажа. Двери сомкнулись, скрывая неодобрительный взгляд Марины, и кабинка плавно дёрнулась, набирая высоту. Напарница стояла у входа и по-детски удивлёнными глазами смотрела на безжизненное и застывшее в бесконечном мгновении страха лицо Дмитрия.

Лифт быстро набирал высоту, а циферблат над дверью послушно отсчитывал этажи: 2... 3... 4...

– Так что же всё-таки случилось? Убийство? – не выдержал я.

– Скорее, самоубийство, – понуро ответил до этого молчавший Страж. – Дима проследил за Отступниками до их убежища, запросил помощь, но мы приехали уже слишком поздно...

– Он печально вздохнул и опустил глаза. – Видимо, ему захотелось стать героем, справиться в одиночку, и он использовал перегрузку. Уж не знаю, где он её взял.

– Что он использовал? – не понял я.

Но в этот момент кабинка качнулась, остановилась, и двери открылись.

Перед входом неожиданно возник взволнованный пожилой Техник.

– Скорее, сюда, заносите в кабинет! – истошно заголосил человек в белом халате и с маленькой биркой на груди, прямо указывающей, что перед нами старший Техник Васильев.

Десятый этаж был всецело посвящён научно-техническому персоналу башни Стражей: чистые и сияющие белизной стены, мягкий струящийся свет с потолка и толпы снующих людей в белоснежных халатах. Вообще, технические этажи служили больше исследовательским и терапевтическим целям и не подходили для серьёзного лечения. Сюда приходили новоиспечённые Стражи для первичного обследования, а также все служащие башни раз в год для планового тестирования работы Консоли и нейронных связей. Здесь даже не нашлось никаких средств для транспортировки неисправных Стражей, и всё это время Дмитрия пришлось нести на руках.

В указанный Техником кабинет мы ввалились вчетвером и уложили тело на кушетку. Кабинет оказался большим, просторным и очень светлым. Одна его половина была полностью заставлена стеллажами с какой-то аппаратурой, а на другой размещалась широкая металлическая кушетка с ворохом подведённых к ней датчиков и всяких непонятных устройств.

Васильев внимательно осмотрел лицо Дмитрия, покрутил его голову своей рукой, расширил пальцами веки и заглянул в глаза, после чего разочарованно заохал. В это время в кабинет влетела ещё пара совсем молодых Техников – юноша и девушка. Они остановились у входа и вопросительно посмотрели на Васильева.

– Опять перегрузка, – печально заключил он, обращаясь к новоприбывшим помощникам. – Срочно нейронный стимулятор!

Техники рванули к стеллажам и начали энергично что-то включать и настраивать. Васильев тем временем прикрепил специальные датчики на голову Дмитрия и нацепил два маленьких колпачка на пальцы его правой руки, как раз туда, где располагались контакты Консоли. Затем пожилой Техник прикоснулся к миниатюрной пластине рядом с кушеткой, и перед ним развернулось широкое полупрозрачное окно, напоминавшее обычную клавиатуру, только кнопок было намного больше. Техник замер над телом умирающего Стража, потом резко повернулся ко мне и сухо заявил:

– Вам здесь не место, Палач. Спасибо за помощь, но все Стражи должны немедленно покинуть кабинет.

Обе Ищейки, что привезли Дмитрия, встревожено, но послушно потянулись наружу. Кира тоже намеревалась выйти, но я схватил её за плечо и одёрнул.

– Это мой хороший знакомый, – очень серьёзным тоном сказал я. – Вы занимайтесь своим делом, Техник Васильев, а мы сами решим, где нам место!

Молодые Техники переглянулись, а Васильев некоторое время смотрел мне прямо в глаза, но затем молча повернулся к кушетке и кивнул своим помощникам.

– Не теряйте время, начинайте отслеживать его сигнал. Нужно установить связь с его мозгом, – сказал он и быстро стал перебирать по клавишам, витающей в воздухе клавиатуры.

– Сигнал очень слабый, местонахождение тела не удаётся определить напрямую, – отпартовала молодая девушка в белом халате.

К сожалению, она была в другом конце кабинета, и я не мог прочесть её имя на бирке.

– Как и ожидалось. – Васильев нахмурил брови. – Хорошо, тогда начинайте перебор по капсулам...

– Сигнал начинает слабеть.

– Сколько?

– Всего тридцать микрооткликов в секунду и продолжает падать.

– Ищите быстрее!

Мы с Кирой стояли в сторонке и заворожено следили за работой Техников. Я иногда переводил взгляд на стеклянные глаза Дмитрия, пытаюсь разглядеть в них хоть какие-то изменения, но, увы, он всё так же безразлично смотрел сквозь белую пелену помутневших зрачков и, кажется, уже совсем не дышал. От этого мне становилось невыносимо грустно, и я снова переключался на мечущихся по кабинету Техников.

– Есть, нашёл! – воскликнул молодой парень. – Прямой отклик от капсулы 654-408, сигнал слабый, но стабильный.

– Отлично! – Васильев озарился надеждой. – Внимание, даю разряд!

Его пальцы быстро заплясали по клавишам, а тело Дмитрия на мгновение потускнело, стало полупрозрачным, затем как-то неестественно дёрнулось и вернулось к прежнему состоянию.

Васильев испытующе глянул на девушку-Техника, но та помрачнела и сокрушённо покачала головой.

– Двадцать микрооткликов, мозг продолжает умирать, Виктор Степанович.

– Внимание даю новый разряд!

– Семнадцать...

– Разряд! Воронков, подключай спинальный сигнал, пустим часть разряда через спинной мозг.

Молодой Техник послушно метнулся к другому устройству и начал что-то настраивать и нажимать на кнопки.

– Есть, Виктор Степанович!

– Новый разряд! Давай же, работай, проклятый мозг!

– Двенадцать микрооткликов, сигнал стал сбивчивый...

– Анна, может, успеем провести экстренный выброс из Системы, а там его подхватят?

Девушка в ответ мрачно посмотрела исподлобья на Васильева, а затем на экран прибора.

– Семь откликов, сигнал теряется... мы не сможем его вывести, Виктор Степанович, мозг почти умер. Нейронные связи слишком повреждены. Похоже, он сжёг его полностью.

Васильев опустил руки, и где-то на минуту в кабинете повисла гробовая тишина, только приборы продолжали свою причудливую электронную трель. Потом старший Техник устало повернулся к нам и печально произнёс:

– Мне жаль вашего друга, Палач. Здесь уже ничего нельзя было сделать, он умудрился спалить себе мозг. Эх, это уже третий за месяц.

– Третий? Почему я не слышал об остальных? – ошеломлённо спросил я.

– Возможно, не каждый Страж ваш друг, – немного грубо, но совершенно беззлобно ответил Васильев и смахнул окно виртуальной клавиатуры перед собой.

Я слегка смутился подобному ответу, но не придал этому особого значения.

– А что за перегрузка, про которую все говорят? – расстроено любопытствовал я. И с тоской посмотрел в уже безжизненные глаза бывшего товарища по службе.

– Сигнал потерян, пациент скончался, – обречённо пролепетала девушка за спиной Васильева, невзначай перебивая меня.

– Пометьте, время смерти – одиннадцать часов и двадцать минут, – вполборота ответил ей старший Техник. – А на ваш вопрос, Палач, я не вправе распространяться, спросите своё начальство.

Но тут Кира сделала шаг вперёд, угрожающе посмотрела на всех Техников и вступилась за меня:

– Прекратите играть в эти игры, Васильев. Никого выше нас нет, разве что Верховный Страж, но сомневаюсь, что его волнуют подобные вопросы.

– Вы хоть и Палачи, уважаемые Стражи, но у вас всё же есть Икаров.

– Нет... нет у нас больше Икарова, – Кира немного понизила тон и смущённо отступила. – И вы прекрасно это знаете.

Васильев посмотрел на растерявшихся молодых Техников, а потом как-то грустно ухмыльнулся, когда вернул к нам своё внимание.

– Кот из дома – мыши в пляс, – тихо, себе под нос, пробурчал старший Техник. – Ладно, могу сказать лишь то, что знаю сам. Это какая-то новая программная зараза, которую внедряют себе люди, чтобы разогнать свой мозг, перегрузить его, поэтому мы зовём её просто перегрузкой. А вообще, я слышал, что она больше известна под названием «Белый шум». Видимо, из-за этого странного побочного действия в виде белёсого помутнения глаз. Очевидно, что ваш друг был слишком самоуверенным и храбрым Стражем, хотел справиться с врагами в одиночку, впрочем, как и все предыдущие. И, как все, он спалил себе мозги.

– Но зачем разгонять или, как вы сказали, перегружать себе мозг? – недоумевала Кира.

– Чтобы стать умнее и быстрее своего противника, как я понимаю. – Васильев всем видом выражал недоумение.

– Виктор Степанович, разрешите изъять чип? – спросил молодой Техник.

– Приступайте.

Я невольно поморщился и потащил напарницу к выходу из кабинета. Удалять чипы врагам – это одно, но смотреть на то, как режут руку твоему хорошему товарищу, что-то совсем не хотелось.

* * *

Только я успел переступить порог и прикрыть за собой дверь, как нас с Кирой окликнул знакомый и хриловатый голос. Мы одновременно повернулись на зов и рядом с лифтом увидели невысокую осунувшуюся фигуру теперь уже бывшего руководителя отдела Стражей. Про Сергея Геннадьевича Икарова можно сказать много хороших слов, вспомнить все его заслуги и награды, подчеркнуть то, какой он замечательный человек, чуткий руководитель и просто добрый наставник. Уверен, что этим утром именно такие пустые слова были высокопарно, но безразлично произнесены с высоких трибун зала совещаний. Громкие, однако неспособные утолить его боль эпитеты и благодарности срывались с уст бывших подчинённых, упражняющихся в лицемерном ораторском искусстве под нескончаемые овации остальных коллег. К отставке Икарова относились так, будто его уже нет в живых. Причём бравурные речи больше напоминали поминальную панихиду, а не благодарности человеку, отдавшему всю жизнь служению Системе и каждому, за кого он был в ответе. Но какие бы хвалебные оды ни слетали с их губ с застывшими в безразличии улыбками никто не знал его так, как я и Кира, никто не воздал ему столько же внимания и дружеского отношения в ответ на его великодушие. Поэтому мы ни капли не жалели, что не успели на начало совещания, и даже благодарны Отступникам, избавившим нас от выслушивания моральных экзекуций. Но, глядя в безмерно грустные глаза Икарова, мы читали в них всю скорбь об ушедших годах и о том, что он потерял в это мрачное утро.

На протяжении долгой и насыщенной жизни Сергей Геннадьевич прошёл тяжёлый и тернистый путь к своему вознесению на недостижимую для многих высоту. Будучи ещё совсем ребёнком, под влиянием юношеского романтизма, желания искать и вляпываться во все подряд приключения и переделки, а также обладая невероятно глубоким чувством справедливости и подлинного гуманизма, он подался в первый почётный круг Стражей – в Наблюдатели. Впрочем, подобным порывам подвержены многие юноши и девушки в том возрасте, когда первый раз в своей осознанной и наполненной гормонами жизни они встречают несправедливость, видят все осколки разбитой гармонии родного мира.

В этом я и Сергей Геннадьевич очень похожи. Он тоже явственно ощущал, что это его долг и призвание, хотел защищать людей от обид и невзгод, хотел, чтобы они жили в мире и спокойствии. Он незабвенно горел этой идеей каждый день, самоотверженно и много работал, не жалея здоровья и сил, просился на дополнительные посты, не спал ночами и аккуратно вёл свой дневник, куда записывал все замеченные им нарушения порядка. Даже самые малейшие проступки не ускользали из-под его пристального взгляда. Многим его коллегам не нравился такой ретивый и педантичный юноша, им он казался чрезмерно фанатичным и даже безумным. Почти все считали его закоренелым карьеристом и избегали его компании. Но Сергей не обижался, а только глубже погружался в работу, делая наш мир чуточку лучше.

Естественно, что на такого бойкого молодого человека скоро обратили внимание старшие Стражи и направили его энергию в новое русло. Следующие несколько лет он провёл в школе Стражей, получая желанное для многих звание Ищейки. Дальше вся жизнь Икарова походила на неистовый ураган, сметающий всех врагов и все преграды на своём пути: сотни раскрытых дел, десятков наград и благодарность за службу, полученная лично из рук Верховного Стража. Но всё это принесло немалое признание среди одних и страшную зависть среди других. После заслуженной аудиенции у Верховного Стража Икаров взойшёл на последнюю ступень, на вершину той горы, о которой мог лишь мечтать много лет назад. К сожалению, Стражи четвёртого уровня не могут дальше продвигаться по службе и ему никогда не светила должность Палача. Но вместо этого было принято решение назначить его главой всего отдела расследований и спецопераций, причём даже Стражи третьего уровня оказались в его подчинении. Весь остаток жизни Икаров посвятил управлению своим отделом и воспитанию всего корпуса Ищеек. Раскрываемость Отступников под его руководством выросла многократно, а самого Сергея Геннадьевича мы с Кирой почитали как второго отца. Иногда возникало ощущение, что Сергей тоже видел себя в этой роли, заботясь о своём отделе и каждом сотруднике, как о своих детях.

Но время шло, Икаров старел, его разум разрушался под тяжестью прожитых лет, что негативно сказывалось на профессиональных навыках. Он всё больше погружался в свои мысли, а потоки нескончаемых дел стали чаще ускользать из-под его увядающего внимания. Былой огонь, согревавший всё отделение, превратился в тлеющий уголёк, и мысли об этом постоянно терзали самого Икарова.

Вскоре над Системой нависла новая угроза – Кукловоды, с которыми безуспешно боролся весь отдел Ищеек долгое время, но ничего не мог поделать. Доверие к Сергею Геннадьевичу было окончательно подорвано. Наблюдая за беспомощными потугами своих верных защитников, Верховный Страж принял тяжёлое решение – снять с должности Икарова и отправить его на заслуженный отдых. Вместо него в эти сложные для Системы времена был назначен новый руководитель отдела Стражей, один из Хранителей – личной охраны Верховного Стража.

Вот так и закончился славный исторический путь одного отважного героя, всего лишь мечтавшего служить людям. Униженный и оскорблённый в лучших чувствах, Сергей Геннадьевич, не привыкший проигрывать, не смог сдержать уже старческих слёз, когда получил приказ об отставке. Самое печальное, что от него разом отвернулись все бывшие коллеги и воздыхатели, все те, кого он считал своими детьми, о ком заботился больше всего, и ради которых сделал многое. Но в нём больше не видели героя или наставника, будто и не было этих долгих лет и великих свершений. Прошлое растворилось, стоило только выключить свет. Меня и Киру Икаров любил больше всех, а мы старались, отвечали ему взаимностью, всегда поддерживали его и слушали. Похоже, что только ради нас он задержался в уже чуждом ему доме. Он хотел попрощаться и пожелать удачи в последний раз.

Икаров скромно стоял у дверей лифта, немного смущённо, как в первый раз, когда он только оказался в этих стенах, чтобы поделиться со всеми своими мечтами. Сейчас на нём неуклюже висел старый и протёртый годами кожаный плащ, под стать коричневым туфлям и небольшому кожаному чемоданчику в руках. Икаров крепко сжимал остатки своего прошлого,

единственное, что связывало его с этим местом, а в другой руке держал широкополую старомодную шляпу, неловко прижимая её к груди. На его голове затейливо вились всклокоченные седые волосы, а на пожилом морщинистом лице блестели добрые, искренние, но такие печальные глаза.

Когда мы приблизились к нему, Икаров приветливо и тепло улыбнулся, как только могут улыбаться внукам их любимые дедушки.

– Здравствуй, Стил! – сказал он, и его губы чуть заметно задрожали. – И тебе, моя любимая Кирочка.

– Доброе утро, Сергей Геннадьевич, – негромко, но почти одновременно ответили мы.

Икаров почти незримо склонил голову в знак приветствия и мимолётом бросил взгляд на дверь кабинета, который мы покинули совсем недавно.

– Про Диму мне уже сообщили, очень жаль, талантливый он парень, шустрый. Подаёт большие надежды, как мне кажется...

– Он только что скончался, – печально пробормотал я.

Икаров понуро опустил голову.

– Я уж понял, Стил, по вашему виду понял. Я не сомневался, что так всё обернётся, после такого не выживают. Жаль, очень жаль. И ведь не первый уже на моей памяти. Что же они у меня... – Икаров внезапно замолчал, и его лицо исказила гримаса боли.

– С вами всё хорошо? – с тревогой спросил я. – Как вы себя чувствуете?

– Всё нормально, ребята, просто фантомные боли.

– Какие боли? – переспросила Кира.

Но Икаров только махнул рукой.

– Неважно... это уже неважно, Кирочка. Мне намного больше за своих подопечных, которых я вынужден оставить вот так. – Сергей Геннадьевич снова посмотрел в сторону закрытого кабинета, откуда в этот же момент вышли молодые Техники и скрылись в светлых коридорах технического отдела. – Что же они себя не берегут-то, а? Чем же ты думал, Дима? Обидно-то как. Вот нет у них трепета за собственную жизнь, не заботятся о себе, совершенно стали оторваны от реальности. Думаю, что это моя вина, я должен был уследить, заметить что-то, должен!

– Да ну, бросьте, при чём тут вы? – воскликнул я.

– При том! Возможно, я действительно потерял былую хватку, если юноши гибнут от такого под моим руководством. Это ужасная смерть, в ней нет ничего героического, она лишена всяческого смысла, понимаете? Ведь это даже не бой с ватагой Отступников. Стражи работают на износ, используют стимуляторы, разрушают собственный организм, свою жизнь – и ради чего?

– Ради веселья? – как-то не к месту предположила Кира.

– Веселье... – хмуро повторил бывший начальник и огляделся.

Всюду сновали люди в белых халатах, взмыленные, встревоженные, ходили из кабинета в кабинет, что-то оживлённо обсуждали, даже спорили. Жизнь вокруг текла своим чередом, и никто на нас не обращал никакого внимания, только одна очень молодая девушка на минуту остановилась около своего кабинета, погружённая в размышления, и посмотрела в нашу сторону. Взгляд её был очень пронзительным, но в то же время очень пустым и безжизненным, казалось, она вовсе не видит трёх человек перед собой, а смотрит куда-то вдаль, сквозь нас, и думает о чём-то своём. Какие мысли крутились в её голове? Возможно, она вспомнила своего дедушку, когда увидела Икарова, и ей невыносимо тоскливо захотелось его обнять, а может, её мысли и вовсе унеслись в такие тёмные и запутанные глубины сознания, где мы так любим скрываться время от времени. Девушка смотрела сквозь нас некоторое время, а потом внезапно погрузилась, отвернулась и зашла в кабинет, медленно закрыв за собой дверь.

Сергей Геннадьевич проводил её взглядом, потом повернулся к нам и мрачно покачал головой.

– Нет, Кирочка, не думаю, что дело тут в некоем веселье или чудачестве и даже не в юношеских причудах. – Икаров глубоко вздохнул. – Причина намного серьёзнее и глубже. Знаете, я всегда говорил, что молодёжь – это индикатор здоровья общества. Ведь дети – это цветы жизни, а по здоровью цветка можно судить о качестве почвы, на которой он вырос. То, что сейчас мы видим, – это даже не болезнь цветка, скорее, его просто срезали, оторвали от земли, и теперь он сохнет и умирает...

Сергей Геннадьевич вдруг встрепенулся, опомнился, стал очень взволнованным.

– Ой, что-то мы тут заговорились совсем, вам же надо срочно бежать в главный совещательный зал, там же сегодня этот... – Икаров поморщился. – Заменитель мой. Стил, Кира, навестите меня как-нибудь, чаю попьем и обсудим много интересных тем. Одно только прошу – не забывайте меня. Я же не смогу так... без вас, без них, без всего этого.

Икаров попытался улыбнуться и посмотрел вслед уходящим по коридору паре Техникам.

– Да что вы такое говорите, мы же... – запричитала Кира.

Но Икаров интенсивно и крайне эмоционально замотал головой и шляпой в своей руке.

– Нет-нет, Кирочка, не нужно больше слов. Сегодня с меня достаточно комплиментов и обещаний, а то совсем разрыдаюсь. – Икаров поспешно нажал на кнопку лифта. – Давайте я вас немного провожу до зала совещаний, а потом уже пойду восвоюси, а то меня здесь уже не очень-то хотят видеть.

– Хорошо, – согласилась Кира. – А за приглашение спасибо, мы обязательно придём. Правда ведь, Стил?

– Да, конечно, сразу же, как сможем, обязательно навестим! Не расстраивайтесь вы так, Сергей Геннадьевич, вот увидите, опозорится ещё этот Хранитель. Эти прихвостни при троне ничего не смыслят в расследованиях. Вы подождите, вас ещё и назад попросят!

– Спасибо вам, ребятки. – Икаров улыбнулся. – Только из-за вас я всё ещё здесь.

Двери лифта распахнулись, и мы с Кирой втиснулись внутрь, а Икаров немного замешкался, провожая взглядом очередных Техников, суетливо пробегающих мимо, ворчливо покачал головой и последовал за нами. Кира – главная по кнопочкам, нажала на ту, что соответствовала восьмому этажу, двери послушно закрылись, кабинка заметно дёрнулась и стала опускаться.

– Вот ведь поросята! – с досадой воскликнул Икаров.

– Кто? – непонимающе спросил я.

– Да Техники наши, усердно делают вид, что меня уже не существует, не успел даже за порог ступить. Ещё же вчера ко мне бегали в кабинет. Как же изменчива человеческая любовь...

– Не обращайтесь внимания, – попыталась приободрить его Кира. – Техники все такие, сами себе на уме, зануды, одним словом.

Лифт тем временем остановился на восьмом этаже, двери открылись, и мы дружно вышли наружу.

Нужно сказать, что башня Стражей – это почти целый город в миниатюре, со своей особенной жизнью, энергией, всеми возможными удобствами и услугами, которые мог предоставить мир снаружи. Здесь можно прожить целую жизнь, ни разу не покидая этих стен. Я думаю, что одержимый архитектор специально придумал её как самодостаточный форпост, с целью как можно больше разделить миры внутри и снаружи башни, тем самым отделяя жизнь простых людей и слой сложных механизмов, поддерживающих порядок и мирное существование всех обитателей Системы. В здании насчитывалось невероятное количество этажей, сколько точно – неизвестно даже мне, может, сотня или больше, ведь никто, кого я знаю, не были выше двадцать пятого этажа и даже не подозревали, что там могло происходить. Всё, что выше, было

доступно только узкому кругу высокопоставленных лиц, таких как Хранители или Техники с допуском к ядру Системы. Палачи считались элитой Стражей, но всё же простыми солдатами, оружием в руках тех, кто восседал над нашими головами. Зато я прекрасно знал, что творится здесь, у подножия стеклянного исполина.

Первый этаж был пуст и мрачен, хотя его можно назвать местным обиталищем нашей Марины или даже жилищем, если вспомнить, сколько времени она отдаёт работе. Следующие три этажа похожи на типичные офисные помещения крупных компаний и не отличаются оригинальностью. Они полностью отданы Стражам низшего уровня – Наблюдателям. Там сплошное нагромождение столов, стационарных Консольей и просторных шкафов, а по узким проходам между рабочих мест снуёт огромное количество народа. Целыми днями на этих этажах стоит ужасный, просто невыносимый гвалт. Наблюдатели приходят и уходят, сдают отчёты, о чём-то отчаянно спорят, иногда доходит даже до потасовок и драк, что немудрено, учитывая возраст неопытных сотрудников, а также их отчаянное рвение выслужиться и подняться по карьерной лестнице.

Я не очень любил эти помещения и не мог там долго находиться, а вот выше обстановка менялась кардинально. На пятом, шестом и седьмом этажах располагались кабинеты Ищеек: просторные проходы, небольшие, но уютные кабинеты за закрытыми дверями, тишина и рабочая атмосфера. Здесь Стражи четвёртого уровня вели свои расследования и распутывали целый клубок хитросплетений, что уготовили для нас Отступники всех видов.

Восьмой и девятый отданы под многочисленные совещательные залы и кафедры для выступлений, а на следующих шести этажах расположились разнообразные технические, инженерные и исследовательские отделы, возглавляемые Техниками различных направлений. Эти пятнадцать этажей и есть основное рабочее ядро нашей службы, куда пускали почти всех, за исключением Наблюдателей, которым разрешалось посещать только свои рабочие пенаты.

Сейчас же на восьмом этаже перед нами предстал небольшой зал с несколькими экстравагантными красными диванчиками у стен. Справа и слева от нас две двери вели в разные лекционные и совещательные комнаты, а прямо по курсу большая двухстворчатая дверь скрывала за собой главный зал для собраний. С потолка разливался ровный и приятный свет, утопая в зеленоватом оттенке местных стен. По замыслу создателей, всё это должно создавать такую умиротворяющую атмосферу, чтобы расслабить человека перед докладом или выступлением, но я что-то весьма сомневался в таком подходе, потому что на меня такая пёстрая комната начинала нагонять тревогу. Хотя, возможно, это из-за пары десятков Ищеек, чьи внимательные взгляды устремились прямо на нас. Ищейки стояли у входа в главный зал и что-то неторопливо обсуждали, когда мы вышли из лифта, но сразу переключили своё внимание. Похоже, нас уже успели невзлюбить за тяготы долгого ожидания, ведь совещание откладывалось только из-за нашего отсутствия. Увидев нас, они замолчали, укоризненно бросая тяжёлые взгляды, а затем, не сговариваясь, потянулись внутрь главного зала.

Я сделал вид, что мне безразлично такое внимание, и с тревогой обратился к бывшему начальнику, который всё ещё источал крайнее смятение.

– Сергей Геннадьевич, с вами всё хорошо?

– Да куда там, – расплывчато промямлил он и шутливо перевёл тему: – Это всё неважно. Зато смотрите, чего дали!

Икаров поставил чемоданчик на пол и осторожно извлёк из кармана плаща маленькую коробочку, покрытую фиолетовым бархатом. Затем открыл её и продемонстрировал нам круглый золотистый орден «За заслуги перед Системой».

– Ого! – воскликнула Кира. – Какой красивый!

– Поздравляем, – с улыбкой подтвердил я. – Вы заслужили!

– Да, похоже, это единственное, что я заслужил. – Икаров снова помрачнел и грустно посмотрел на орден, а затем захлопнул коробку и поспешно убрал её обратно.

Сергей Геннадьевич снова поднял чемодан и пронзительно посмотрел на Киру, а затем на меня.

– Ещё раз спасибо, ребята. Я знаю, что вы волнуетесь за меня, – произнёс Икаров спустя пару секунд раздумий. – Но знайте, я не расстраиваюсь из-за своей отставки. Наоборот, я рад и горд, что прожил долгую жизнь в стенах этого здания. Я многое успел повидать и пережить. Ведь я был счастлив, выполняя свою работу, а это главное. Неважно, чем мне в итоге отплатили за мою верную службу или как отнеслись, мне не о чем жалеть, а всё остальное на совести других людей. Да, я буду скучать по вам, по этому месту и своей работе, но я справлюсь... как всегда справлялся.

Я ничего не ответил, да и не мог на это возразить. Он, безусловно, прав и всегда был. Наверное, только в нашем возрасте тяжело мириться с несправедливостью. Мы всегда стараемся дать сдачи, возмущаемся, обижаемся и кричим в ответ, но с возрастом приходит иное понимание: осознание важности только своих поступков, действий и слов. Каждый сам отвечает за свою жизнь, брошенные на ветер слова, судьбу или счастье, сам куёт свою мечту, и никто не вправе нам мешать на этом пути, тем более когда мы честно это заслужили, отдав сполна свой долг перед обществом. Поэтому я прикусил губу и с согласием кивнул в ответ, а Кира в поддержку погладила Сергея Геннадьевича по плечу.

– Ну ладно, ребята, будем прощаться. Вам нужно спешить, а то с Хранителем шутки плохи, – сказал Икаров и язвительно продолжил: – Ещё и вас заменят... эти могут.

– Чем теперь думаете заняться, Сергей Геннадьевич? – поинтересовался я. – Времени-то теперь свободного о-го-го сколько будет!

– Честно сказать, даже не знаю. – Икаров сделал робкую попытку улыбнуться, но глаза выдавали всю гамму чувств. – Придумаю что-нибудь, не волнуйтесь. До этого у меня было одно занятие в жизни, единственный смысл. Я никогда не разменивал те крохи свободного времени, что у меня оставались, на бесполезные занятия. А теперь, похоже, придётся искать хобби. Может, начну что-нибудь коллекционировать, например... бесполезные медали.

Бывший глава отдела Стражей совсем помрачнел и даже опустил руку со шляпой, которую он всё это время держал у груди. В этот же момент распахнулись двери второго лифта, и оттуда вышло два человека. Это был тот самый отряд Палачей, кого мы так страстно недолюбливали. Почему? По многим причинам. Крайне одиозные личности, красноречиво озаглавившие свой отряд «Харон», просто сложив первые буквы собственных имён. Первого звали Харви: высокий и грузный тип, широкоплечий и статный, он говорил глубоким басом и вообще производил весьма пугающее впечатление. Такой мог убить одним ударом, даже не используя огнестрельного оружия. Второй – Рон, вполне обычный парень, немного наглый, в меру дерзкий, чем-то напоминал меня, но скорее по росту и внешнему облику.

Видимо, наш негатив исходил из их отношения ко всему: к жизни, смерти, людям. Не зря они называли себя в честь того, кто по мифам и преданиям переправлял души в загробный мир. Вот и они считали себя такими проводниками: отключали хладнокровно, с улыбкой на лице, считая своё равнодушие и цинизм большим достижением. Безусловно, в школе Стражей нас учили тому, что Палач должен быть хладнокровным вершителем правосудия, но их отношение я считал совсем уж ненормальным. Не лучшим образом они относились и к живым: вечное их надменное отношение ко всем, в том числе к сослуживцам, постоянные издёвки и подтрунивания, повелительный и приказной тон, пренебрежительное обращение к Наблюдателям стали их визитной карточкой. Стражи низших уровней боялись и сторонились общества Харви и Рона, но их это только заводило.

Но, несмотря на их дурной нрав и массовую к ним неприязнь, нужно отдать должное: какие-то принципы и следы своеобразной чести у них всё ещё оставались. Когда все служащие башни поспешили последовать словам известной поговорки: «С глаз долой – из сердца вон» – и перестали замечать Икарова, то эти двое из отряда «Харон», когда покинули лифт

и заметили Сергея Геннадьевича, учтиво кивнули ему головой и пожелали хорошего дня. Это было немного неожиданно и выглядело искренним. На миг я даже поверил, что в них что-то есть, помимо бесконечного злорадства, но постарался как можно скорее прогнать эти мысли прочь. Нам же с Кирой досталось от них только пара ехидных ухмылок, после чего они также проследовали в зал, не проронив больше ни единого слова.

– Им бы гонора поменьше, были бы неплохие ребята, – с теплотой сказал Икаров.

– Ой, сомневаюсь, – засмеялась Кира.

В этот момент дверь слева от нас со скрипом открылась, и в неё вошёл высокий беловолосый и очень статный на вид мужчина средних лет. Он посмотрел на нас, а его глаза приобрели характерный, острый и внимательный прищур, от взгляда его веяло расчётливой строгостью, но он не выглядел злым, скорее деловитым. Губы оказались неестественно поджаты, что выдавало глубокую задумчивость, его явно отягощали внезапно нахлынувшие проблемы. Но в целом внешний вид был весьма специфическим. Чёрные лакированные ботинки сияли напыщенной важностью своего хозяина, а серые трубчатые брюки, гладко выглаженные, чистые, идеально подогнанные под рост мужчины, ещё больше подчёркивали в нём важную шишку, офисного обитателя, никогда не покидавшего своё логово и не любившего марать руки по пустякам. В брюки заправлялась лощёная серо-зелёная рубашка, аккуратно застёгнутая на все пуговицы, а поверх неё виднелись крепко натянутые подтяжки, удерживающие штаны, но зачем они нужны, не смог бы ответить даже сам хозяин. Возможно, это всего лишь вычурный элемент униформы, ведь даже без них брюки сидели как влитые. Через руку мужчины был перекинут длинный плащ, который он вряд ли когда-нибудь надевал, скорее тот также числился ещё одним элементом профессиональной формы. Но всё это производило странный магический эффект: его уверенность, глубокий и проникновенный взгляд внушали неизменный трепет каждому, кто оказывался перед ним. Со всей этой тёмной и тоскливой гаммой в одежде сильно контрастировали волосы сияюще-белого цвета, чуть удлинённые, но не скрывающие этого внимательного прищура, направленного сейчас прямо в мою сторону. Эта таинственная причуда в изменении цвета волос – главная отличительная черта Стражей второго уровня – Хранителей.

Да, это был он, наш новый начальник, повелитель и господин. Изредка Хранителей ещё величали высшими Стражами – элитная когорта воинов, а также личная охрана Верховного Стража. Их всего трое, но их считают лучшими воинами. Смелые и бесстрашные, умные и сильные, прекрасно владеющие любым холодным оружием, способные выстоять в одиночку против целой армии и остаться в живых, а уж в точности владения огнестрельным оружием им вообще нет равных. Возможно, это всего-навсего местные городские байки, глупые легенды, призванные внушать страх и трепет перед ними, но проверить истинность этих слов никто не решался. Высшие Стражи редко покидали верхние этажи башни, несли там круглосуточную охрану Верховного Стража и всех секретов, что хранила эта цитадель порядка.

Покинуть свой пост и спуститься они могли только в экстренных случаях, который, по всей видимости, настал, если Верховный Страж решил отправить одного из них руководить нашим отделом. К слову, о нём. В отличие от Хранителей, кого хоть раз в жизни мог лицезреть каждый, Верховного Стража первого и самого высокого уровня не видел никто из тех, кого я знаю. С ним имела право разговаривать только его личная охрана: три человека из всей Системы. Он вёл жизнь затворника на самом верху башни. Оттуда он следил за Системой, руководил по мере сил и возможностей, корректировал курс наших действий, но иногда нам казалось, что вся его активная деятельность началась и сразу закончилась после написания свода законов Системы. Некоторые предполагали, что это вовсе обычный дряхлый старикашка, чью жизнь насильно поддерживают много лет. Ведь если верить слухам, то Верховный Страж ни разу не сменялся за всё время существования Системы, а это уже несколько поколений людей. Другие, наоборот, склонны впадать в конспирологию, строить теории заговора, выска-

зывать догадки о лживой натуре самих Хранителей и что они де-факто правят Системой от имени давно умершего Верховного Стража. Но, увы, проверить это также никто не мог.

К сожалению, Хранитель, что вышел к нам, мало походил на героев местных легенд, скорее на типичного клерка из местной коллекции офисного планктона. Трудно поверить, что человек с такой кричащей аристократичной внешностью мог хоть как-то соответствовать закреплённому за ним имиджу. Но всё же, стоит признать, его строгий и холодный взгляд пробирал до самых костей.

В помещении повисла неловкая тишина, пока Хранитель стоял на выходе из боковой комнаты и внимательно изучал трёх человек, замерших в страхе у лифта.

– Икаров, – сухо начал он. – Почему вы ещё здесь? Вам велено покинуть это здание ещё час назад. Здесь могут находиться только сотрудники службы Стражей. Ваш статус аннулирован.

Меня поразило, как были произнесены эти слова. В его голосе не чувствовалось ни грамма сарказма, злости или надменности – обычный спокойный тон, немного дипломатичный и отстранённый. Его речь текла плавно и размеренно. Слова показались мне слегка оскорбительными, но он произносил их с таким хладнокровием, всем своим видом говоря: «Извините, но это правило». Я хотел обидеться на его резкий тон, честно хотел, но не смог.

– Я уже ухожу, господин Страж, только попрощаюсь с ребятами, – покорно ответил Икаров.

Хранитель молча перевёл взгляд на нас.

– А, «Феникс», наконец-то! Быстро в зал! Мы и так уже на порядок отстали от графика, – скомандовал высший Страж, затем перехватил свой плащ и быстро прошёл в центральные двери.

Мы были готовы ко всему в это странное утро: крику, ругани и язвительным выражениям, даже к долгому брюзжанию за наше опоздание, а в итоге Хранитель оказался совсем не таким, как мы себе представляли. Приятный баритон и назидательные, но эмоционально участливые слова, как у доброго, но строгого учителя, сильно контрастировали с нашими предубеждениями.

– Ладно, ребятки, бегите, а я пойду к выходу. До встречи, Стил, – почти прошептал Икаров и обнял меня, а затем Киру. – До встречи, Кирочка!

– До встречи, Сергей Геннадьевич!

– Берегите себя, – грустно добавила напарница.

После чего бывший начальник аккуратно надел на себя шляпу, взял в другую руку сумку и нажал на кнопку вызова лифта, а мы быстрым шагом двинулись к двустворчатым дверям.

* * *

Главный совещательный зал был весьма большим и просторным, с ярким освещением и отличной акустикой. Стены были покрашены в приятный кремовый оттенок, а одну из них, правую от входа, заменял стеклянный фасад здания, откуда пробивался тусклый свет пасмурного дня. Город за окном бурно кипел жизнью, даже не подозревая о том, что сейчас происходит за зеркальной стеной грозной башни в самом его центре. На другом конце помещения виднелась небольшая возвышенность, где находился обычный письменный стол, стул, а с правой стороны – кафедра для выступлений. Несмотря на торжество технологий, по центру своеобразной сцены располагалась обычная белая доска с кучей прикреплённых на неё фотографий, документов, непонятных схем и рисунков. Вокруг места для выступлений полукругом расставили ряды кресел, уходившие волнами по всему помещению, из которых занятыми оказались не больше половины. Хотя этот зал никогда не видел слушателей больше, ведь контингент служащих, допускаемый на этот этаж, был сильно ограничен. По моим наблюдениям, здесь

собрался весь отдел Ишеек, значительно потерявший со смертью Дмитрия, отряды Палачей и большая часть руководящего состава Техников. Подобный разношёрстный состав участников и назначение самого Хранителя не сулили ничего хорошего.

Когда мы вошли в зал, все стояли около своих мест, приветствуя проследовавшего перед нами Хранителя, который уже занял своё место за кафедрой и теперь осматривал присутствующих.

– Замечательно, наконец-то все в сборе, можно начинать, – очень спокойно произнёс он со сцены, а затем обратился к нам: – «Феникс», займите ваше место.

При этом его слова прозвучали неожиданно громко, раскатами грома расходясь по всему залу. Это чудесная особенность местной трибуны, придуманная одним из Техников башни уже очень давно. Голоса всех, кто ступал на эту сцену, автоматически усиливались, создавая эффект работающего микрофона. Поначалу это немного пугало, но в нашем мире ко всему привыкаешь слишком быстро.

Хранитель требовательно, но вежливо указал на свободные места в первом ряду, любезно оставленные лично для нас. Мы прошли по дорожке между кресел и встали около своих мест, как раз рядом с Харви и Роном. Высоченный Харви посмотрел на меня сверху вниз и жеманно оскалился.

– Отлично! – воскликнул Хранитель. – И раз уж мы всё равно стоим, давайте почтим память нашего сослуживца Дмитрия Сахарова, погибшего сегодня по собственной глупости и неосмотрительности. Пусть это послужит нам всем хорошим уроком. Прошу минуту молчания...

От подобной бестактности я даже подпрыгнул на месте и поймал пару смущённых взглядов от других коллег, но все предпочли промолчать и сделали вид, что ничего не заметили.

– Хорошо, спасибо, присаживайтесь. Давайте для начала познакомимся со всеми. Зовите меня Вергилий, и в ближайшее время именно я буду вашим проводником через весь тот ад, что творится в нашей Системе. Вы прекрасно знаете, кто я и почему здесь нахожусь, а также должны осознавать, что это приведёт к коренным изменениям в вашей работе и ситуации в целом. Я был назначен на эту должность не просто так. Хранителям поручают вмешиваться в дела рядовых Стражей только в самый критический и важный момент. И он наступил!

Вергилий сделал долгую паузу и медленно обвёл взглядом всю аудиторию. В присутствии высшего Стража некоторые боялись даже дышать.

– В Систему пришли тяжёлые времена, – продолжил он, – она стонет, умирает под натиском многочисленных врагов. Они хитры, коварны и многочисленны. Наша служба уже не справляется с таким напором проблем, что смертельно опасно для нас всех, и с этим нужно что-то делать. Иначе... иначе всё, за что мы боролись и ради чего жили, всё, что построили и любили, будет разрушено, а крохотные остатки человечества снова окунутся в хаос, который непременно приведёт к их окончательному истреблению. Мы не должны этого допустить, и поэтому я здесь. Только осознавая всю важность возложенной на меня миссии и всю глубину проблем, я согласился лично возглавить отдел Стражей и сделаю всё, что от меня потребуется, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Сейчас я повторю то, что уже говорил сегодня утром. Икаров – хороший человек и, безусловно, был отличным руководителем. Мы не жалеем, что назначили его когда-то на эту должность, и, говоря «мы», я выступаю от лица всех Хранителей и Верховного Стража. Икаров честью и правдой служил нашей Системе долгое время, но само это время безжалостно ко всем. Оно бросило вызов, с которым он не смог справиться, но, несмотря на это, Икаров останется в нашей памяти великим человеком.

«Не такой уж он и гад», – подумал я.

– Итак, мы столкнулись с серьёзной проблемой, и даже не с одной. Чтобы победить врага, его нужно познать, найти слабости, отрезать голову и испепелить тело. На данный момент известны две ключевые угрозы: Призраки и Кукловоды. Для начала попробуем резюмировать

всё, что мы знаем о них, чтобы все присутствующие могли чётко и всесторонне оценить масштаб нависшей опасности. Плотников, прошу вас! – Вергилий кивнул кому-то в зал, а сам уселся за стоящий на сцене стол.

Из задних рядов поднялся очень молодой Техник в белом халате с взъерошенными волосами и испуганным взглядом. В руках он сжимал увесистую кипу документов и торопливо пробирался к сцене. Добравшись до кафедры, он водрузил на неё бумаги и начал суетливо их перебирать.

– З-здравствуйте, многие меня, наверное, знают, я Константин Плотников, старший Техник отдела исследований и разработок, а также руководитель отдела чипования. П-простите, я немного волнуюсь, не привык вот так... – Последнее обращение он направил в сторону Хранителя, при этом его голос сильно дрожал, но звучал также громко.

В зале кто-то насмешливо фыркнул.

– Продолжайте, Константин, – безразлично настаивал Вергилий.

– Хорошо, хочу поделиться с вами всем, что удалось собрать нашим отделом за это время. Начнём с... – Он отчаянно зашуршал бумагами. – С Призраков. С ними всё намного проще, это просто люди, потерявшие связь с Системой, ставшие изгоями общества, добровольно обрёкшие себя на такое вот... довольно жалкое существование. Каждый из них однажды преступил закон и должен был понести заслуженное наказание, но им удалось уйти от системы правосудия, сбежать от Палачей и затем удалить свой чип.

– А это возможно? – уточнил Хранитель.

– Оказалось, что в-возможно. Без специального оборудования это тяжело сделать, но при наличии нужных знаний... В любом случае, удалив чипы, они потеряли свои маячки в нашем мире, теперь это просто сгустки мыслительной энергии, затерянной в бесконечном потоке данных. У них нет прав, они ничего не могут сделать без чипа Консоли. Их виртуальный образ моментально разрушится после смертельного воздействия на него и после гибели мозга. Извлечение чипа – это очень... очень опасное и рискованное занятие, к тому же необычайно сложное. Как я и сказал, на это нужны недюжинные умственные и технические способности. Нам удалось поймать и завербовать одного взломщика, обладающего такими навыками, и склонить к сотрудничеству. Теперь он сдаёт нам Отступников, обратившихся к нему за помощью и желающих скрыться от правосудия, но, к сожалению, этого слишком мало. Существует большая вероятность, что таких специалистов несколько, и выявить остальных пока не удалось.

– Хм, это довольно интересно, – задумчиво изрёк Вергилий. – Константин, передайте мне потом информацию по этому, как вы выразились, специалисту.

– Д-да, конечно! Вот, у меня с собой. – Плотников быстро выудил один листок из кучи и протянул его.

Хранитель положил его перед собой, изучил беглым взглядом и постучал по нему пальцами, привлекая внимание Константина.

– Так вы говорите, что этот... – Вергилий посмотрел в листок. – Максим Ветров теперь работает на нас? Вы доверяете этому Отступнику?

– П-приходится. – Плотников развёл руками. – Он нам сильно помог в последнее время, активно сотрудничал и не давал поводов усомниться в себе. К тому же мы следим за ним. Не думаю, что он предаст нас.

– Пусть только попробует, – сквозь зубы процедил Рон рядом со мной, но так, чтобы все услышали.

Вергилий сделал вид, что не заметил этого высказывания.

– Хорошо, Константин, я вас отвлёк, продолжайте.

– Так вот, мы считаем, что подобных специалистов несколько, и из-за них численность Призраков значительно выросла за последнее время. Но один вопрос остаётся загадкой: где вся эта масса может прятаться? В Системе не так много мест, где можно остаться незамеченным, но

наши поиски не привели к ощутимым результатам, а все пойманные живьём Призраки отказались что-либо говорить. Поэтому нужно найти убежище Призраков и срочно! Если раньше они старались вести себя как можно тише, прятались, то сейчас заметно поменяли тактику. Мы предполагаем, что у них появился лидер и налицо все признаки строгой самоорганизации. В последнее время всё чаще проводятся спланированные атаки на ключевые пункты и узлы Системы, также есть подозрение о подготовке массовой диверсии.

– Диверсии? – Хранитель оживился и уселся поудобнее.

– Да, но мы не знаем какой. Не так давно, буквально на прошлой неделе, была предпринята попытка прорваться в «Центр техобслуживания и чипования населения» на улице Каскадной. Как нам удалось выяснить, их целью были так называемые ноль-чипы, то есть пустые чипы, подготовленные для установки людям. Зачем Призракам то, от чего они так яростно хотели избавиться, не совсем понятно. Авторизовать их они всё равно не смогут, для этого им придётся прорваться к нам в башню...

Плотников осёкся и испуганно посмотрел на слушателей, как будто сказал что-то лишнее. По залу пронёсся взволнованный ропот.

– Но, как сказал Константин, это глупо и странно, они явно преследуют какие-то иные цели, – холодно успокоил всех Хранитель. – К тому же это настоящее сумасшествие – нападать на башню. Неважно, сколько их, – дальше первого этажа они никогда не пройдут, это чистое самоубийство. А мы знаем точно, хоть они и Отступники, но явно не дураки... Плотников, продолжайте!

– Д-да, спасибо. Как я и сказал, их целью были ноль-чипы, но, к несчастью для Отступников, в тот день там случайно оказался Палач Зет для диагностики своей Консоли. Обычно мы не обслуживаем Стражей в гражданских центрах, поэтому Отступники явно не ожидали встретить такую преграду на своём пути. Атаку удалось отбить. Но будьте уверены: они вернутся за тем, что им нужно. Сейчас они ещё испытывают трудности с организацией и ресурсами, и это наш шанс как можно скорее найти их убежище и нанести удар, пока их банда окончательно не окрепла и не превратилась в грозную силу. У нас катастрофически не хватает людей и возможностей защитить все стратегически важные объекты. Стражей слишком мало, мы не готовы к масштабным нападениям, и они это скоро поймут. Всё, что мы можем, – это немного усилить охрану, привлекая для этого Наблюдателей. Некоторым пришлось даже выдать оружие, что немыслимо по нашим меркам, но обстоятельства кричат об опасности. Вот, это что касается Призраков...

– Резюмирую, – начал с места Хранитель. – На текущий момент над Системой нависла самая серьёзная угроза за всё время нашего существования. Перед нами организованная банда из самых отчаянных головорезов и бандитов, кому удалось избежать наказания. Они осознанно отсекли себя от общества, и теперь они никто, лишний информационный мусор, который следует немедленно убрать, пока он не пожрал собой всё, что мы знаем. Также мы уверены, что последуют новые атаки на наши центры, нужно быть готовыми. Сделайте всё, чтобы оградить людей от такого потрясения, найдите Отступников прежде, чем они нанесут новый удар! Переворошите все подвалы, закоулки, переверните весь город вверх дном – что угодно, но Призраки должны быть уничтожены как можно скорее! «Харон»?

– Да, господин Хранитель? – отозвались хором двое рядом со мной.

– Возьмите это дело под свой личный контроль, используйте любые ресурсы башни, а также в вашем распоряжении весь штат Ищеек и Наблюдателей. Результат должен быть в ближайшее время!

– Есть! – проревел Харви.

– Отлично, – удовлетворённо ответил Вергилий. – Плотников, что у нас дальше?

Юноша встrepенулcя, облизал высохшие после доклада губы и нервно начал перебирать гору документов, при этом неразборчиво бормоча что-то себе под нос. Спустя некоторое время

он просветлел, аккуратно подровнял перед собой стопку бумаг и демонстративно закричал, привлекая внимание.

– Вторая проблема не менее серьёзная, а может, даже более. К тому же весьма загадочная и таинственная. Весь наш технический отдел теряется в догадках о природе этого явления...

– Плотников, ближе к делу! – грубо прервал его Вергилий.

– Д-да, простите, конечно же, я говорю о Кукловодах.

В зале прокатился новый гул оживления, а некоторые присутствующие энергично закивали головами и стали перешёптываться.

– Уверен, вы уже немало о них наслышаны, – перекрикивая, продолжил Плотников. – И каждый, разумеется, имеет свою точку зрения на это явление: от научной до совсем уж абсурдной и мистической. Но попробуем отбросить все предрассудки и начнём оценивать всё здраво. Как сказал господин Хранитель, чтобы побороть врага, нужно знать его в лицо, но для этого мы должны ответить себе на множество вопросов. Что их породило, кто они на самом деле? Попробуем разобраться вместе. Так что же мы знаем о Кукловодах?

Зал окутала тишина, в которой я смог услышать, как поскрипывает стул под Хранителем. Все неуверенно поглядывали друг на друга, но никто не решился ответить, и тогда Константин снова заговорил:

– Почему мы их так прозвали? Хорошо, давайте я попробую рассказать, как всё начиналось, может, не все в курсе происходящего. Где-то пару месяцев назад в центре города мы поймали и отключили одного мужчину средних лет за то, что он пытался проникнуть в центр коррекции образа. Его заметил местный Техник, задержавшийся на рабочем месте. Он пытался остановить нарушителя, за что был жестоко убит. Хорошо, что он успел включить тревогу, как только заметил что-то неладное. До того как Отступник успел скрыться, на место прибыл наш Палач и отключил его. По-моему, это снова были вы, «Зета»?

Плотников посмотрел куда-то в угол зала и замолчал. Только сейчас я заметил, что там, с самого края, сидел угрюмый мужчина с печально опущенной головой. Его лицо было начисто лишено эмоций и источало некое подавленное безразличие, зато эту обитель скорби обрамляла густая и аккуратно обстриженная борода. Я не знал, сколько ему лет, и всегда боялся спросить, но проступившая седина в волосах и бороде выдавала в нём умудрённого годами Стража. Это был третий и последний отряд Палачей, а точнее, он состоял всего из одного человека: мрачного, неразговорчивого и немного странного. Его имя тоже было вполне необычное и происходило от названия отряда – Зет. Он сидел тихо, уставившись в пол, и не обращал ни на кого внимания, неторопливо теребя уголок своей потёртой куртки.

Плотников смутился, что его вопрос проигнорировали, недовольно поморщился и продолжил:

– В общем, чип был извлечён и доставлен к нам на анализ. Но вот что интересно...

Плотников снова замолк, подошёл к доске и ткнул рукой в одну из фотографий, где был изображён молодой мужчина весьма приятной внешности и с очень доброй улыбкой.

– З-знакомьтесь, Меренский Павел Иванович – примерный отец и семьянин, а ещё лучший сотрудник в фирме «Роялти»! У него двое детей, красавица-жена, высокий и стабильный заработок – просто невероятно счастливый и удачливый человек. Б-был... В его жизни было всё, о чём мог мечтать любой нормальный житель нашего города. По отзывам знакомых, он был невероятно добрым и отзывчивым человеком, отличным собеседником с прекрасным чувством юмора. За всю свою жизнь он не дал ни единого повода сомневаться в своей безупречной репутации. Вероятно, он даже дорогу переходил только на зелёный свет. Невероятно, не правда ли? Святой человек... Зачем я всё это рассказываю? Чтобы вы поняли, кем он был, и смогли составить для себя определённый личностный портрет, а потом сопоставить с тем, что я говорил ранее.

Плотников выдержал небольшую паузу.

– Два месяца назад Меренский, дождавшись темноты, взломал дверь центра коррекции образа, украл дорогостоящее оборудование, но не успел с ним покинуть помещение, как оказался застигнут врасплох одним из сотрудников. Меренский, до этого не обижавший даже навозных мух, достал нож и нанёс около пятнадцати колотых ранений пострадавшему в живот и после чего перерезал ему горло. А дальше спокойно попытался покинуть помещение, где и был настигнут прибывшим на место Палачом. Попытка оказать сопротивление привела к отключению Отступника. Какой мы можем сделать вывод из всего этого? Как может взрослый человек так резко измениться, если на то не было никаких предпосылок? Надо признать, что это несколько озадачило весь наш отдел. Но так бы всё и закончилось на удивлённых перешёптываниях среди Техников, если бы этот случай оказался единственным. Неделей позже некто Привалов, – Плотников ткнул пальцем в фотографию другого молодого мужчины, – забил до смерти одного из наших Наблюдателей, жестоко, причём стальной арматурой. На том парне живого места не осталось, а ему всего-то стукнуло девятнадцать лет, только-только заступил на своё первое дежурство. Через день Привалов убил ещё одного Наблюдателя, почерк тот же, но в этот раз ему не удалось уйти, он был задержан и отключён. Анализ его чипа вновь привёл в замешательство весь наш отдел и заставил вспомнить о случае с Меренским, который уже успели назвать исключительным. Привалов оказался не менее законопослушным и верным гражданином нашего общества. До того момента. Работа, семья, отличные рекомендации, отсутствие каких-либо нарушений и подозрений – всё, как всегда, пока в один момент они просто не сходят с ума...

– А что на это говорили их семьи? – перебил кто-то с задних рядов.

– Хороший вопрос. П-правильный. Семьи также пребывали в полном недоумении и отчаянии, обвиняли нас в подлоге и в клевете, отказывались верить в случившееся, говорили, что их мужья, братья и отцы, самые лучшие на свете, и прочее, и прочее. Ничего конкретного и внятного они сообщить не смогли, скорее, ещё больше вгоняли нас в ступор и непонимание. Кроме одного случая, который натолкнул нас на интересные размышления.

Плотников закашлялся: от длинного монолога его горло изрядно высохло. Он перевёл дыхание, вернулся к кафедре, достал откуда-то из-под неё стакан с водой, сделал пару глотков и вновь обратился к залу:

– Некоторое время спустя произошло дерзкое нападение на грузовик, перевозивший ценное и сложное техническое оборудование для нашей башни, вы должны помнить тот случай. Два человека в масках вытащили водителя из кабины, пока машина стояла на светофоре, а затем на глазах у всех жестоко зарезали его ножами и угнали грузовик. В соседнем районе автомобиль был успешно перехвачен, один из нападавших отключён, второму удалось скрыться, и, к слову говоря, он не найден до сих пор. Но Отступник поведал нам много нового. Точнее, не совсем он. Его чип тщательно изучили, но, увы, биография снова оказалась безупречной – ни единой зацепки. Зато при допросе его жена раскрыла интересные сведения. Оказывается, она заметила, как её муж связался с каким-то странным человеком, стал часто и надолго уходить из дома, начал с холодом к ней относиться. И однажды на свой закономерный вопрос о том, что происходит, получила странный ответ. Он накричал на неё, сказал, что он не её муж, а его уже давно нет в живых, а потом, испугавшись своих же слов, начал угрожать ей убийством, если она проговорится об этом Стражам. После этого разговора он ушёл из дома и больше не возвращался, а через три дня вместе с неизвестным подельником он совершает нападение на грузовик.

Плотников сделал небольшую паузу, чтобы сидящие в зале переварили услышанное, и спросил:

– Как вы думаете, о чём этот случай может свидетельствовать?

Аудитория загудела, перешёптываясь между собой.

– Может, они сошли с ума? – робко спросил кто-то.

– Они заболели...

– Я думаю, это сговор, или их обманули...

Люди наперебой предлагали различные варианты. Над одними смеялись, другие серьёзно обсуждали, третьи принимали с явным скепсисом. Вергилий не вмешивался в ход дискуссии, только задумчиво и встревожено потирал пальцами подбородок, всматриваясь в фотографии на доске.

Это продолжалось до тех пор, пока Кира не сделала смелое предположение:

– Одержимые?

– Правильно! – обрадовался Плотников, показывая рукой на мою напарницу. – Она права! Впрочем, вы все правы. Мы выдвигали в точности такие же теории, отсекали лишние и добавляли другие с появлением новых данных. Теперь вы каждый день используете термин «Кукловоды», принятый в нашем отделе, но не удосужились даже задуматься, откуда он появился. Ведь на то были свои причины. Одержимые? Да. Больные? Возможно. Мы не смогли до конца понять причины их «одержимости». Единственное, на чём наш отдел сошёлся во мнении, что на момент совершения преступлений эти люди уже не были самими собой.

– Поясните, – Вергилий снова внимательно прищурился.

– Это сложно объяснить, господин Хранитель. С каждым днём число обнаруженных Кукловодов только растёт, вместе с тем появляется всё больше материалов для исследований. Мы постепенно отсекали вариант за вариантом, пока не остался только один. – Плотников почесал в затылке. – Личности этих людей похищают: их виртуальный образ, жизнь, их тело теперь находятся под контролем других людей. Вы можете спросить: «Как это возможно, как можно полностью подчинить себе человека?» Это интересный вопрос, который мы тоже себе задавали. Мы думаем, что злоумышленники нашли способ перехватывать сигнал, идущий от мозга человека к его виртуальному образу, чтобы потом подменять его своим. Они полностью замещают сознание жертвы на своё. Что при этом происходит с вытесненным разумом, мы не знаем, возможно, он просто погибает или на время отключается, а может, полностью выбрасывается из Системы, нам не удалось это выяснить. К сожалению, связи с внешним миром до сих пор нет.

Зал взбудоражено загудел.

– Разве это возможно? – холодно спросил Хранитель.

– Н-наверное, – растерянно ответил Плотников. – Это единственное разумное объяснение, которое нам удалось вывести из всех имеющихся фактов. Нам неизвестно как они это делают. Может, где-то в Системе у них есть целый комплекс по перехвату сигналов, а значит, это огромная дыра в безопасности, угрожающая всем нам. Но для этого им бы понадобилось оборудование, по мощности не уступающее нашему. Если это так, то каждый из нас может стать жертвой Кукловода в любой момент, может быть, даже здесь и сейчас...

– Плотников, я попросил бы вас не делать поспешных выводов и не вносить разлад, сейчас он нужен меньше всего, – строго прервал его Хранитель.

– П-простите, подобные мысли не дают мне покоя, но такая угроза действительно существует. Если им удастся проникнуть в персонал башни, последствия могут быть катастрофическими.

– И всё же это только предположения, держите их пока при себе. Это же касается всех присутствующих. Ничего из сказанного здесь не должно выйти за пределы этих стен. Надеюсь, это всем понятно?

Зал замер в молчаливом беспокойстве и ничего не ответил. Не дождавшись реакции, Вергилий снова обратился к выступающему:

– Плотников, почему от действий Кукловодов страдают только законопослушные и хорошие люди?

– Я и не сказал, что страдают только хорошие люди. Нам достоверно неизвестно, сколько сейчас образов людей захвачено злоумышленниками. Дело в том, что на контрасте поведения примерных граждан легко отличить и отследить изменения их личности. Скорее всего, Кукловоды захватывают всех без разбора, или до кого удаётся дотянуться их машинам. На хаотичных и менее порядочных элементах изменения будут не так заметны. Из всего этого очевидно, что группировка Отступников, которая занимается похищением чужих образов, очень хорошо организована, обеспечена, оснащена первоклассной техникой и технологиями, а также в ней есть отличные программисты. Как думаете, такая сложная организация может быть без сильного лидера? П-правильно, не может. А посему...

Плотников с довольным видом вновь подошёл к доске и указал на одну из самых больших фотографий, сделанную на камеру наружного наблюдения. На ней запечатлён мужчина в длинном чёрном плаще и натянутом на глаза капюшоне, из-за чего его лицо оказалось полностью скрыто от вездесущего ока.

– Знакомьтесь, наш таинственный незнакомец, ключевая фигура во всём этом деле. Его личность до сих пор не удалось установить, но мы ведём активную работу в этом направлении. Его удалось заметить или опознать во многих местах, где случались нападения Кукловодов. Он редко самолично участвует в преступлениях, в основном держится в тени, но всегда координирует и следит. Мы уверены в этом. Он постоянно попадает под объективы наших камер и на глаза очевидцев, будто хочет быть замеченным, но его лицо всегда скрыто под капюшоном. Судя по описанию, именно он был тем странным знакомым, что увёл из семьи законопослушного мужа, позже напавшего на грузовик. Существует вероятность, что именно он выбирает будущих жертв похищения образов и лично причастен к появлению новых Кукловодов. Приглядитесь к нему, это цель номер один, наш таинственный дирижёр! Мы назвали его Кукольник. До выяснения личности Отступника это прозвище будет его идентификатором. В-воот...

Плотников замолчал, всем своим видом давая понять, что закончил выступление, и теперь стоял с невинным лицом, перебирая бумажки за кафедрой.

– «Феникс»? – внезапно окликнул нас Вергилий.

Я в это время задумался над словами Плотникова и не заметил слов Хранителя, но Кира со всей силы ударила меня в бок локтем, и я вскочил как ошпаренный.

– Да, я здесь! – вскрикнул я от неожиданности.

– «Феникс», насколько я знаю, вы были на задании сегодня утром, на Южной улице, не так ли?

– Так точно, господин Хранитель!

– Расскажите всем, я думаю, это будет интересно.

Я почувствовал, как мигом пересохло в горле, и появилась лёгкая нервозность. Я же Страж, более того, я Палач, моё призвание быть сильным, стойким и непоколебимым. Я видел боль и страх, навсегда застывший в остекленевших глазах Отступников, видел муки раскаяния и бессильную злобу умирающих от моих рук людей. Каждый день я смотрю в глаза смерти, бесстрашно, спокойно, и вижу лишь отражение себя самого, свою душу, застывшую в объятиях бесчувственного льда. Но сейчас я впервые почувствовал себя не в своей тарелке, будто чужим. Сотня пытливых глаз неумолимо сверлила мне затылок, а люди, застывшие в ожидании, породили настолько гнетущую тишину, что она сдавила мне грудь, я задышался. Нас учили быть незаметными и тихими, смертоносным мечом, что разит из темноты. Это путь одиночества и саморазрушения во имя всеобщего блага, это единственный смысл наших жизней и возможное их течение. Всеобщее внимание, внезапный свет, пролившийся над моей головой, обжигают и причиняют боль, это смертоносный яд, ускоряющий саморазрушение.

Я заставил себя собраться, мысли в голове смешивались, растекались, сливаясь в тяжёлый и неприятный шум в ушах. Кира почувствовала эту неловкую паузу и незаметно пнула меня по ноге.

– По прибытии на улицу Южную в доме номер двадцать семь было обнаружено четверо Отступников, – начал я, придавая своему голосу как можно больше уверенности. – Мы оценили степень опасности, и, учитывая вооружённое сопротивление, отключили Отступников от Системы, а чипы изъяли.

– Вы уже сдали чипы? – поинтересовался Хранитель.

– Нет, ещё не успели.

– Тогда сдайте их сейчас. Плотников, у вас считывающее устройство с собой?

Старший Техник, увлечённый своими записями, встревоженно поднял голову.

– А? Да-да, конечно, оно у меня всегда с собой, – ответил он и похлопал по небольшому продолговатому предмету у себя на поясе.

Я достал свой трофейный чип, затем забрал такой же у Киры и передал их Плотникову.

– Учитывая, что Отступников было четверо, а чипа всего два, то самое интересное вы забыли упомянуть? – хитро и внимательно взглянув, спросил меня Хранитель.

– Ах да, простите, забыл сказать, что двое из отключённых оказались Призраками.

– Вот это как раз интересно! Плотников, развеите мои сомнения?

Техник возился с чипами, попеременно вставляя их в устройство, а потом что-то внимательно изучал в появившемся окне Консоли.

– С-сейчас... сейчас, секундочку... ага, вот. Так мы и думали – похоже, снова Кукловоды. По крайней мере, у одного из отключённых отличная биография. Это точно они. Другие Техники подтвердят, я уверен.

– Хм, Призраки и Кукловоды, так я и думал, это очень настораживает, – задумался Вергилий.

– Вероятно, у них была запланированная встреча, – констатировал я. – Что конкретно они обсуждали, нам не удалось выяснить, но один из них пригрозил нам скорой смертью. Похоже на заговор...

Хранитель озадаченно хмыкнул.

– Плотников, а ведь это не в первый раз?

– Да, господин Хранитель, похожие встречи между Призраками и Кукловодами были замечены уже неоднократно.

– Хм, возможно, «Феникс» прав, они действительно что-то замышляют. Если две главные угрозы Системы объединятся... Нужно срочно выяснить, что они затевают! «Феникс», это будет вашей задачей. Помогите нашим Ищейкам, выясните, что замышляют Кукловоды, где прячутся и кто этот загадочный Кукольник, в общем, всё, что поможет их остановить. В вашем распоряжении также все ресурсы Стражей.

– Принято, господин Хранитель!

– Сядьте вы уже, наконец, на место. И ещё, что у вас за внешний вид? Побрейтесь немедленно и, вообще, приведите себя в порядок. Не позорьте гордое имя Стража. Вы же Палач, вы должны внушать страх и уважение людям.

Позади меня раздалось довольное похрюкивание Харви, которого это изрядно насмешило. Я пристыжено и молча согласился с этим и поспешил занять своё место.

Харви нагнулся к моему уху и прошептал:

– Как всегда, девчонкам самые интересные задания!

Я повернулся к нему, поймал его победный оскал и издевательски вздохнул:

– Ага, даже я вам завидую.

Харви злобно и надменно посмотрел на меня, но промолчал. Собрание между тем продолжилось. Плотников ушёл на своё место и его сменил какой-то пожилой Техник в белом халате, который долго и обстоятельно рассказывал о психологии Отступников и о том, как с ними бороться, но я уже не слушал, моё внимание вновь было приковано к Зету. Он всё также безучастно сидел в одной позе и нервно теребил уголок своей куртки. Его совсем не интересо-

вало то, что происходит на собрании, и всем своим видом он показывал, как мечтает поскорее сбежать из этого зала. Я мог понять его чувства. Среди сослуживцев ходило множество всевозможных слухов и баек об отряде «Зета» и о нём самом. История его жизни постоянно обрас- тала всё новыми и более экзотическими подробностями, и уже невозможно понять, где закан- чивается правда и начинается вымысел. При этом самого Зета никто не решался спросить.

Мне тоже известно немного: всё те же истории, переходящие из уст в уста. Изначально в отряде «Зета» состояло два брата, слишком рано познавших боль утраты. Их родители погибли от рук Отступников, когда они были ещё детьми, и сирот решили отдать на попечение школы Стражей. Для них это было лучшее место. Братья хотели найти и покарать убийц, жаждали мести и справедливости, жили одной мечтой – стать однажды Палачами и найти тех негодяев, кто разрушил их жизни. Иногда злость – это лучшая мотивация, особенно когда она направлена в нужное русло. Они стали лучшими учениками, всегда поддерживали друг друга, в совершен- стве овладели искусством боя и вскоре добились того, чего желали больше всего на свете. Они стали Палачами. Но, как и все Стражи третьего уровня, они должны были пройти процедуру Отречения, стать людьми иного качества, забыть все чувства и эмоции, отринуть все тяготя- щие их связи прошлого и жить только одним – служением людям и Системе. Им пришлось пойти на этот шаг. В результате они забыли своё прошлое и своих родителей, хотя, скорее, не их самих, а ту боль, что стала единственным смыслом жизни двух братьев. После этого они знали и помнили только одно: они верные защитники Системы и всем сердцем желают порядка и справедливости в нашем лучшем мире, но теперь забыли почему. Красивая сказка, но не со счастливым концом.

Братьев назначили в один отряд, который они называли «Зета». Один из них стал Зет-стар- ший, а другой Зет-младший. Странное название, но, возможно, в нём заложен некий потаён- ный смысл. Они провели множество успешных операций, считались одними из лучших Пала- чей, гордостью нашей службы, пока однажды не произошла трагическая случайность. Много слухов и домыслов ходят о том, что случилось на самом деле, но неизменно лишь одно: млад- ший из братьев «Зета» был убит, причём пал он не от рук Отступника, а самого Хранителя. Кто виноват и что случилось в тот день между Палачом и Хранителем, никто не знает до сих пор. Сам Зет-старший после этого стал нелюдям, угрюм и немногословен. Он избегал общения и компаний, постоянно отказывался от предложений взять другого напарника, предпочитая с тех событий работать в одиночестве. Но самое главное, после смерти своего брата Зет возне- навидел всех Хранителей и испытывал к ним глубочайшее презрение. Теперь, когда объект его ненависти так близко и поставлен командовать им, я понимал всю гамму чувств Зета и его нежелание находиться с Вергилием в одном помещении, но пойти против долга он не мог. Глу- боко в сердце он, вероятно, мечтал отомстить за смерть последнего близкого человека, только я не знал, причастен ли к этому Вергилий. Несмотря на всю скрытую, но бурлящую внутри него ненависть, Зет всё равно пришёл на собрание и продолжал стойко терпеть присутствие рядом с собой Хранителя и, возможно, убийцы своего брата. Вергилий, похоже, сам прекрасно осведомлён об этой ситуации и старался не беспокоить этот тлеющий уголёк.

Собрание между тем всё тянулось и тянулось, время давно уже перешагнуло полдень, и я начал изрядно скучать. Всё самое интересное я узнал, с новым начальством успел познако- миться и получить выговор, а остальное меня мало волновало. Ещё несколько раз выходили разные докладчики, рассказывали об Отступниках, а то и вовсе говорили на отстранённые темы. Но только настал момент, когда я подумал, что смерть – это не такая уж пугающая пер- спектива, как Хранитель объявил о завершении собрания и велел всем срочно приступать к намеченной работе. Мы с Кирой радостно вскочили и понеслись к выходу из зала. Нужно было посетить душ, привести себя в порядок и приступать к дежурству.

* * *

Мужские душевые располагались на двадцатом этаже башни, а женские этажом выше. Когда мы зашли с Кирой в лифт, то успели перекинуться парой встревоженных фраз о текущей ситуации в Системе прежде, чем я покинул кабинку лифта вместе с другими Стражами, а она поехала дальше. Мы договорились встретиться через сорок минут на первом этаже, мне нужно было немного успокоиться и привести мысли в порядок после этого совещания.

Я зашёл в раздевалки: огромные, просторные, с длинными рядами железных шкафчиков для личных вещей. Душевые обычно пустуют в разгар рабочего дня, но из-за собрания в башне задержалось множество Стражей, даже Наблюдатели постоянно рыскали рядом с Ищейками, пытаясь выведать, что же мы так долго обсуждали. В раздевалках из-за такого количества народа стоял гул, как на рыночной площади. Меня это немного смущало, но я прошёл в другой конец помещения, выбрал свободный шкафчик, куда сложил все вещи, взял оттуда пушистое полотенце и гигиенический набор, любезно приготовленные для каждого, и поспешил в душевые. Они были чистыми, светлыми, с белоснежными стенами и небольшими уютными кабинками. Здесь впервые за всё утро я почувствовал себя живым. Как же приятно, наконец, окунуться в ласковое водяное покрывало, побриться и открыться новому дню.

Вдоволь понежив себя под струями тёплой воды, я обтёрся полотенцем и одухотворённо направился в раздевалки. По пути я заметил небольшую кучку людей, собравшихся у одного из шкафчиков и что-то возбуждённо обсуждающих. Я решил подойти поближе.

– О, Стил, привет! – выкрикнул человек, окружённый этой толпой, когда заметил моё приближение – Смотри, что нашёл, такой же, как у тебя, только сломанный. Видимо, нашему белоголовому не разрешают играть с настоящим оружием!

Мужчина весело расхохотался. Если я правильно помню, то это одна из Ищеек, я видел его на собрании, но почти не знал в жизни. Сейчас он стоял у открытого шкафчика и задорно демонстрировал всем эфес, очень похожий на тот, что у моего меча, только в этом отсутствовал клинок. Мужчина шутил, смеялся и размахивал им перед лицом своих товарищей.

– Вась, ты бы это, завязывал, – сказал один из окруживших его сослуживцев. – Ты прекрасно знаешь, что это. Положи, где взял. Не к добру это. Сейчас вернётся Хранитель из душевой, узнает, что ты залез в его шкафчик, и... мало не покажется. Точно говорю.

– Да, да, Вась, не стоит, – вторили остальные.

– Да ладно вам, мужики, вы чего? Нашли, кого бояться, индюка надутого. Что он мне может сделать? Рукояткой по голове настучит?

Мужчина вновь зашёлся задорным смехом.

– Вася, ты совсем дурной? – нервно спросил его коллега, постоянно озираясь. – Это же меч Хранителя со встроенным механизмом Создания, положи немедленно.

– Чего? – удивился он и с изумлением посмотрел на эфес меча в своей руке.

– Ты что, про меч Хранителя никогда не слышал? Он создан только наполовину. Клинок появляется по желанию обладателя меча.

– Кру-у-уто, – протянул несмыслённый воришка и стал им размахивать уже с деловитой хваткой. – А как его включить?

Кто-то из собравшихся повернулся ко мне и жалобно проговорил:

– Стил, останови его, пока он всех на дно не утащил.

Я согласился и протиснулся между людьми.

– Его нельзя включить, точнее, это может сделать только хозяин меча, – ответил я на вопрос горе-Ищейки и протянул к нему руку: – Василий, отдай его, пока никто не пострадал.

– Да кто же пострадает, если его включить нельзя? – расстроено отозвался Василий.

– Не от него, – недвусмысленно ответил я и ещё требовательнее посмотрел на виновника этого представления.

– Ой, да ну вас, – обиделся Василий, затем отдал меч Хранителя и поковылял вглубь раздевалки.

Я провёл пальцами по великолепному оружию.

– Этот получше твоего будет, да, Стил? – спросил один из присутствующих.

Рукоять этого меча действительно очень похожа на мою: тот же цвет и размер, та же форма. Хранители тоже оказались поклонниками старинного оружия, или мы посещали один и тот же музей. Кира была права: меня всегда восхищало их оружие. Такое простое и элегантное, а исчезающий клинок позволял легко спрятать меч от окружающих и избавиться себя от ношения громоздких ножен. Увидеть воочию и пощупать такой шедевр человеческой мысли – это моя давняя мечта.

– Сти-и-ил, Хранитель вот-вот вернётся, – взмолился кто-то рядом со мной.

– А ведь только подумать, – немного обиженно пробубнил я, продолжая вертеть в руках рукоять меча, – нам строго запретили использовать Создание, ругают, наказывают за каждый патрон, за каждую созданную мелочь. Говорят, что Система больна, нужно быть осторожнее. А тут целое оружие, плюющее на все запреты.

– У-у-у, похоже, это заразно, пойду я от греха подальше, – сказал испуганный мужчина и поспешил ретироваться, уводя за собой ещё пару человек.

Может, это действительно заразно, или внезапно проснувшаяся зависть не давала мне выпустить из рук долгожданное сокровище.

– Если подумать, зачем им такое оружие? Ведь они даже из башни не выходят, в боях не участвуют и не рискуют жизнью, как мы, – расстроенно причитал я, наивно полагая, что меня поддержат. Но в глазах невольных свидетелей моих низменных пороков застыл только страх.

На границе собственной интуиции со здравым смыслом я почувствовал дуновение отрезвляющего прохладного ветра, возвращающего меня в жестокую реальность. Внезапно повисшая вокруг тишина не предвещала ничего хорошего. Я не видел, но ясно ощущал тяжёлую поступь Вергилия за своей спиной.

– Гордыня, Страж, – это ужасная черта характера. А гордыня, основанная на унижении других, страшнее всего. Вы не пропустите меня к шкафчику?

Его голос ударами колокола отозвался в моей голове. С большим усилием я повернулся на одеревеневших ногах и увидел Хранителя с полотенцем, обёрнутым вокруг пояса, и с причудливо взъерошенными волосами. Он стоял рядом со мной и с тяжёлым осуждением смотрел на всех вокруг. Нет, он вовсе не ругался и не кричал, а в его голосе я не нашёл даже тени возмущения или злости, только чуть заметная снисходительная улыбка на его лице, но она пугала сильнее злого взгляда. Люди позади меня застыли в немом молчании и боялись даже пошевелиться, а я отступил от шкафчика, пропуская Вергилия.

– И моё оружие, будьте добры.

Я протянул рукоять и сделал ещё один шаг в сторону.

– Кто взломал мой ящик? – с привычным для него хладнокровием спросил Вергилий и почему-то сразу обратился к собравшейся толпе.

Люди вокруг со страхом посмотрели на таинственное оружие в руках Хранителя и немного отступили.

– Я не... – начал отвечать я.

Но Вергилий меня сразу прервал.

– Не надо, Страж, я знаю, – отрезал он, а затем снова обратился к остальным: – Так кто это сделал?

– Он сказал, что было открыто, – пропищал кто-то позади группы людей.

Вергилий расстроено покачал головой и повертел эфес в своих руках.

– Эх вы! Вам бы только возмущаться и обвинять других, а сами совершенно неспособны взглянуть в свои глаза. Клевета, зависть, мелкая подлость и гордыня, как глубоко вы ещё готовы пасть? А, Стражи? Посмотрите на себя, в кого вы превратились?! Система стонет под гнётом Отступников, а где её защитники? Они воруют из чужих ящиков и ведут себя как дети. Больно на это смотреть. Вы считаете, что достойны большего? Достойны вот этого?

Хранитель взял за один конец рукоять своего меча и демонстративно показал всем.

– Это оружие – символ Хранителей, символ тех, кто никогда не падёт, кто вынужден быть примером для всех остальных. Этот меч должен внушать страх нашим врагам и вселять надежду тем, кого призван защищать. Если запятнать этот символ, если хотя бы раз позволить себе предать светлый образ Стража, то что останется от нашей Системы? Так вы считаете, что достойны такого? – уже без тени улыбки и настойчиво потребовал ответа Вергилий и посмотрел на меня.

– Я... – сдавленно прохрипел я, но проглотил все прочие слова.

– Я знаю вас, Палач, и видел ваш меч. Рад, что вы тоже любитель древнего оружия. Наверняка вы мечтаете когда-нибудь стать Хранителем и носить подобный меч. Что же, давайте проверим, насколько вы достойны подобной чести? Я готов преподать вам небольшой урок и проверить ваши способности. Жду вас через двадцать минут в зале для спарринга, – настоятельно потребовал Вергилий, а затем обратился к толпе: – А что касается всех остальных, то виновника этих событий жду у себя в кабинете через пару часов, иначе отвечать придётся всем вам!

Хранитель безучастно отвернулся к своему шкафчику и начал сгребать оттуда вещи. Судя по его тону, моего желания никто не спрашивал. Я сумел только кивнуть в ответ, но Вергилий этого не заметил. Словно робот с застывшим выражением лица, я повернулся на месте, где встретился с десятком растерянных людей и медленно направился к своему шкафчику. В раздевалке образовалась гнетущая, но очень оживлённая тишина. Люди метались между рядами, что-то нашёптывали друг другу, повышая количество удивлённых лиц. Я чувствовал, что нахожусь в эпицентре зарождающейся бури, из которой волнами расходились людские пересуды. Вокруг меня ярко вспыхивали всё новые звёзды одобрительных, а иногда и осуждающих взглядов. Я поспешил пригладить мокрые волосы, побыстрее оделся и, схватив свои вещи, выскочил из раздевалки.

Только у лифта тиски всеобщего внимания ослабили свой хват, и я смог вдохнуть немного спокойствия. Когда я оглянулся, мне показалось, что кто-то наблюдает за мной из-за двери раздевалки, но она быстро захлопнулась, оставляя меня наедине с самим собой. Сложно винить людей в том, что их взбудоражило грядущее событие, ведь не каждый день выпадает возможность лицезреть битву между Палачом и Хранителем. Тем более в последний раз такое столкновение закончилось гибелью Зета-младшего. Не будь я участник этих событий, тоже радовался бы как ребёнок, но сейчас мне хотелось провалиться как можно глубже под землю и никогда не вылезать обратно. На меня вдруг нахлынуло такое огорчение после всех сумасбродств сегодняшнего дня. Ну почему я не держал рот закрытым?! Хотелось как можно сильнее ударить по двери лифта, очень хотелось! Я даже успел сжать кулаки, но двери виновато распахнулись, и я вошёл в тренировочный зал на двадцать втором этаже.

В это время здесь было темно и пусто. Я первый, кто пришёл сюда, и был счастлив, что мне выдалась минутка побыть одному и собраться с мыслями в полной тишине. Тренировочный зал занимал весь этаж, а двери лифта выходили прямым ходом в просторное помещение, от чего оно казалось ещё больше и мрачнее. Здесь не было никаких стен или перегородок, лишь один большой зал с вкраплениями несущих колонн, и только в левом дальнем углу пристроилась небольшая комнатка с тесной раздевалкой. Окна в помещении были закрыты, поэтому тут царили вечный полумрак и постоянный спутник всех гимнастических и тренировочных залов – этакий терпкий аромат, настоящий на поте, машинном масле и тёртой резине. Я щёлкнул выключателем у входа – и этаж озарился ярким светом, освещая целый арсенал спортивного

инвентаря: десятки различных чудаковатых тренажёров, разнообразных манекенов для оттачивания рукопашного боя и с применением холодного оружия. Центр зала венчала огромная импровизированная арена, вымощенная из мягких прорезиненных матов приятного голубого цвета и без всякого ограждения. С грустью я посмотрел на место своего будущего ристалища, но озаряя свои мысли мимолётной надеждой, что без постоянной боевой практики Вергилий мог потерять хватку и мой позор будет не так предсказуем. Пусть он Хранитель, лучший боец на свете, но как давно он брал в руки оружие и использовал его по назначению? Разве может он сравниться с Палачом, с тем, кто каждый день встречается со смертью с распростёртыми объятиями?

С этими мыслями я зашёл в узкую и тесную раздевалку, прикрыл за собой дверь, потом достал с полки комплект специальной формы и спешно переоделся. Просторная, скорее, даже безразмерная, что немного сковывало движения, форма применялась в основном при тренировках рукопашного боя и была сделана из приятной льняной ткани светло-кремового оттенка. Закончив разглаживать несуществующие складки, я решил больше не откладывать неизбежное и вышел наружу, но тут же встал как вкопанный. Пока я переодевался и собирался с духом, в зале собралась целая толпа: люди громко общались, смеялись и всё продолжали прибывать. Странно, что я ничего не услышал из раздевалки. К чему было устраивать подобное шоу? Я надеялся на частный урок послушания и вовсе не желал кормить всеобщее любопытство.

Я осмотрел зал в поисках Хранителя и заметил Киру, которая пробивалась через толщу людей и спешила ко мне навстречу. На её лице застыли такие радостно-восторженные эмоции, что я поначалу испугался.

– Ой, Кира, прости, я совсем забыл, что назначил встречу в холле башни. Тут такое случилось, ты не представляешь! Не знаю даже, как это объяснить, – оправдывался я, встречая свою напарницу.

Кира подошла ближе и оглядела меня с ног до головы.

– Да ничего, Стил, я уже в курсе. Только я успела выйти из душа, как узнала интересные новости. Ну ты даёшь! Что ни день, то приключения. Такое я точно не могу пропустить. – Кира задорно рассмеялась, потом в шутку сделала серьёзное лицо и низким голосом проговорила: – Палач и Хранитель, сражение века, кто же победит?! В левом углу ринга мастер элегантного оружия...

– Не смешно, – обиженно прервал я напарницу. – Вообще не смешно, Кира, он же может меня убить.

– А, по-моему, смешно! И не говори глупостей, никто никого не убьёт. Вот держи, я захватила с собой из машины!

Только после её слов я заметил, что всё это время она держала в руках мой меч.

– Зачем он? Разве не...

– В каком смысле «зачем»? Ты его своей харизмой решил побеждать?

– Но это же тренировочный бой!

Кира нахмурилась и обиженно поджала губы, затем с силой всучила мне меч, больно ткнув ножами в грудь.

– Я не удивлена, что ты в это вляпался.

Я взял в руки свой меч, покрутил его в воздухе, вытащил наполовину из ножен и посмотрел на своё отражение в клинке.

– Иногда я не умею держать язык за зубами, только и всего.

– Иногда. – Кира усмехнулась, а потом всё-таки потрепала меня по плечу. – Не обижайся, ты ещё покажешь этому зазнайке всю силу Палачей, я уверена! И, вообще, классный у тебя прикид, тебе идёт.

Она снова хихикнула, прикрыв рот рукой.

– Ладно тебе издеваться, хохотушка. – Я попытался приободрить себя. – Кстати, а где мой новоявленный оппонент? Неужели струсил?

На этих словах двери лифта распахнулись, и в зал вальяжно вошёл Вергилий, ведя за собой свиту из гудящих и взволнованных зрителей. Уверенно чеканя шаг, он будто плыл сквозь расступающуюся перед ним толпу, мимолётно разбрасывая по сторонам целеустремлённые взгляды. Я ожидал, что он последует моему примеру и посетит сначала раздевалки, но Вергилий повесил свой плащ на один из тренажёров и направился напрямик на арену.

– Иди, – шепнула мне на ухо Кира и легонько подтолкнула в спину.

Хранитель остановился рядом с матами, устилающими арену, снял свои лакированные ботинки и поставил рядом, оставшись в одних чёрных носках, а затем взошёл на место будущего ристалища. Он расстегнул и закатал рукава рубашки, потом провёл большими пальцами под ремнями подтяжек, оттягивая их в сторону и со шлепком возвращая на место. Когда он завершил свой странный ритуал, я заметил, что на его правом запястье отсутствует отличительный знак Стражей: ни полосок, ни каких-либо символов, выделяющих его среди обычных людей. Кроме меча, светлых волос и бесконечной глубины самомнения, конечно же. Хранители отличаются от прочих Стражей, их считают иной, более высокой кастой, тайным оружием, что прячут до тёмных времён. Они не участвуют в обычной жизни башни и города, они затворники, привыкшие взирать на мир с огромной высоты. Чтобы подчеркнуть это различие и отрешение, им удаляют метки с запястья, и теперь я лично убедился в правдивости этих историй.

Следом за Вергилием я взобрался на арену и немного помялся на матах. В отличие от Хранителя, я очутился босиком, и ноги сильно утопали в излишне мягкой и неприятной на ощупь поверхности, где, оказалось, нелегко удержать равновесие. Я неуклюже подошёл к своему сопернику и промычал вполголоса:

– Может, лучше, если бой пройдёт за закрытыми дверями?

– Вы не очень стремились избавиться от публики, когда тешили свою гордыню, поэтому и ответ вам придётся держать при всех, – негромко ответил Хранитель.

К моему счастью, его слова утонули в общем шуме. Выбора у меня не осталось, я почтительно склонил перед ним голову и отошёл на исходную позицию. Толпа вокруг нас образовала плотное кольцо и внимательно наблюдала за обоими противниками. Краем глаза я заметил, как через строй людей протиснулись Харви и Рон, сияя на весь зал злорадными ухмылками. Я до последнего надеялся, что два этих ходячих недоразумения не узнают о происходящем.

– Смотри-ка, сейчас кого-то накажут, – заверещал Рон.

– Да, девчонок бить нехорошо, – поддержал Харви.

Хранитель бросил на них суровый взгляд, и те разом замолкли.

– Приступим! – громко сказал Вергилий.

И голоса в зале моментально стихли, уступая место зловещей тишине.

– Мы не будем использовать тренировочные мечи? – осторожно и тихо спросил я, но голос зазвенел в голодной тишине.

Рон от моего вопроса радостно хрюкнул, еле сдерживая смех, от чего мне стало совсем неловко.

– Зачем? – недоумевал Хранитель. – Воин должен видеть реальную опасность в бою, чувствовать сталь, направленную на него, ощущать дыхание смерти в каждом выпаде противника, только тогда раскрывается его истинное умение. Вы ведь этого хотели? Доказать своё умение? Показать, что вы достойны большего? Не скрою, что бой между Стражами высокого уровня может закончиться плачевно для одного из нас, но ведь для того мы живём, чтобы отдать жизнь в сражении за наше будущее. Обнажите ваше оружие, Палач!

С тяжким грузом на сердце я вытянул меч из ножен и отбросил их в сторону. Хранитель также снял с пояса рукоять своего меча и провёл двумя пальцами по небольшой пластине на её поверхности. Воздух около его рук всколыхнулся, в нём вспыхнуло яркими звёздочками и заблестело небольшое облако из множества маленьких металлических частичек. Они витали

вокруг рукояти, закручиваясь в спираль, а затем моментально собрались в длинный и блестящий клинок. Теперь меч Хранителя стал полной копией моего.

– Мне нравится твой выбор, Палач, – с некой долей одобрения сказал Вергилий, внезапно перейдя на ты. – Это хорошее оружие, древнее и величественное, его использовали когда-то могучие и бесстрашные воины, считавшие меч продолжением своей души. Тебя ведь зовут Стил? Насколько я знаю, это сокращение от слова «стиллет»? Великолепно, Стил – хорошее имя, я вижу, что философия холодного оружия у тебя в крови. Если не ошибаюсь, это название тайного грациозного оружия, которым скрытно разили своих врагов. Уверен, это будет интересный бой. А теперь нападай!

Зрители вокруг нас стояли неподвижно и с интересом наблюдали за растянувшейся прелюдией, только Рон всё время оглядывался на других, пытаясь найти поддержку своему ехидному настрою.

Хранитель встал в боевую стойку, немного выставив вперёд оружие, напрягся и внимательно прищурил глаза. Зал затаил дыхание.

«Ну что же, приступим», – подумал я и удобнее схватил свой меч.

Я помялся немного на месте, привыкая к очень мягкому мату под ногами, попытался нащупать более удобную и устойчивую позицию, и...

...Рывок, рассекающий взмах снизу, звон металла, натужный визг встретившихся лезвий. Хранитель одной рукой с лёгкостью парировал удар. Он подставил свой меч навстречу моему и теперь со скрежетом уводил мои руки в сторону. Затем быстрый удар свободной рукой мне в лицо. Я отшатнулся назад, выходя из клина, и чуть не вскрикнул от неожиданности. Лицо горело от боли, жгучий поток волнами расходился от разбитого носа. Я схватился за лицо и с ужасом посмотрел на Вергилия – его взгляд был очень осуждающим. Я почувствовал, как ладонь наполнилась кровью из разбитого носа, она стекала по локтю, окрашивая рукав формы в багровый цвет. Я убрал руку от лица, и народ в зале ахнул, кровь небольшим ручейком устремилась по губам, подбородку, а затем каплями усеяла белоснежную форму. Она быстро порасстала красными пятнами и становилась всё более жуткой. Только отряд «Харон» продолжал наслаждаться происходящим, тихо, но радостно улюлюкая и надсмехаясь надо мной.

– Что это было, Страж? – возмутился Хранитель. – Я тебе чётко сказал: нападай! Ну же!

После этих слов он снова встал в боевую стойку. Я посмотрел вокруг, встретился взглядом с напуганной Кирой, и почему-то мне стало очень стыдно. Утопая в жуткой боли от разбитого носа, я неосознанно смахнул рукавом кровь с лица, дополняя разводами и до того жуткий холст с картиной моего падения, потом двумя руками покрепче схватил свой меч и ринулся вперёд. Взмах, удар – Вергилий ловко блокировал мой выпад. Отскок в сторону, удар, второй, мечи звонко стонали от яростных столкновений. Я хотел провести рубящий удар слева, но Хранитель так быстро метнулся в сторону, что я не успел даже заметить его движение, будто тенью он ускользнул от моего удара. Враг внезапно оказался справа позади меня и приставил к моей шее холодную сталь клинка, который острой кромкой больно врезался в кожу.

– Ты убит, Страж! – Голос его стал совсем недружелюбным. – Это всё, на что ты способен? Где же весь твой боевой опыт? Давай же, нападай, я всё ещё жду, когда ты перестанешь валять дурака и начнёшь сражаться так, как положено Стражу твоего уровня.

Хранитель убрал клинок от моей шеи и прошёл на исходную, где изящно взмахнул своим оружием в воздухе, снова вставая в стойку, а затем издевательски поманил рукой. К тому времени я уже весь оказался испачкан в крови и представлял собой довольно жалкое зрелище. Я вновь бесполезно попытался смахнуть кровь со своего лица и сжал рукоять меча с новой силой. Злость и ярость начинали заполнять моё сердце, они застилали глаза и туманили разум. Я метнулся в бок, заноса свой меч, затем удар, ещё один, но Хранитель каждый раз с лёгкостью парировал их. Он двигался так быстро, исчезал перед глазами, буквально таял в воздухе и появлялся с другой стороны. Как такое возможно? Разве может человек двигаться с такой

скоростью и изяществом? Нет, человек не может. Даже взгляд не успевает ловить момент его движения.

– Убит! Ты умер, Страж... и опять! – повторял он раз за разом, нанося мне лёгкие порезы по всему телу и вспарывая форму.

Его голос становился всё злее и жёстче, исчезли последние нотки деликатности, потускнел радужный образ неумелого клерка из высоких кабинетов, голос стал ниже, свирепее, теперь передо мной стоял настоящий воин, беспощадный и хладнокровный. А я продолжал раз за разом с яростью бросаться в атаку, кричал, рубил что было силы, пытался маневрировать на мягком полу, но каждый раз Вергилий с лёгкостью отражал все удары, уходил от них ещё до того, как я успевал занести меч. Моя выносливость быстро иссякла, и я ринулся из последних сил, пытаясь проткнуть его в своей самой глупой и бессмысленной атаке. Хранитель ушёл от удара, схватил мою вытянутую руку и сильно вывернул её. Я закричал от жуткой боли и выронил свой меч. Вергилий решил не тратить времени зря и со всей силой ударил мне под дых. Я уже не мог кричать, лишь сдавленный хрип вырвался из моей груди, мир поплыл в глазах, ноги перестали слушаться, а в голове помутилось. Хранитель не испытывал жалости, он не выпустил из своей железной хватки поражённого противника и закончил свой приём прямым ударом в уже разбитое лицо, одновременно отпуская мою руку. Немного попятившись, я рухнул на маты, поверженный и униженный, истекающий кровью и собственной гордостью. Всё лицо горело, но сознание уже отказывалось воспринимать реальность, в глазах окончательно потемнело, а звук встревоженной толпы уносился куда-то вдаль. Голос Вергилия стал каким-то глухим и неестественным.

– Ты убит! И снова, и снова, и снова! Ты жалок, Страж! Гордыню нужно вырывать из заражённого сердца, жестоко и решительно, надеюсь, ты понимаешь это?

Он говорил очень громко и устрашающе. Голос его совсем изменился, он громогласно звучал под сводами зала и нагонял немало трепета на всех присутствующих.

– Надеюсь, ты не будешь держать на меня зла, – продолжил он, обращаясь ко мне. – Это всё во имя твоего блага. Когда-нибудь ты это поймёшь. Безусловно, сейчас ты очень зол на меня, я чувствую, как ярость кипит в твоих венах. Тебе хочется разорвать мне глотку, вцепиться в неё зубами, как обезумевшему псу. Ты потерял связь с реальностью, в этом твоя проблема, Стил. Злиться тебе стоит исключительно на себя самого. Ты забыл, где твой враг! – грозно отрезал Вергилий, а затем обратился ко всем присутствующим: – Вы все забыли! Стражи, позорящие своё светлое имя. Ваш враг не здесь, не перед вами, он где-то там, скрывается в переулках Системы и ждёт, когда мы перегрызём друг другу глотки. А ещё главный враг внутри вас, сжирает последние крохи того, что можно назвать человеком. Вы тонете в собственном самолюбовании, считаете себя лучше других, вам не нужны правила и законы. Вы лучше их, выше их. Посмотрите, к чему приводит непослушание закону, к чему приводит ваша безмерная гордыня, желание быть выше остальных, посмотрите на вашего сослуживца Дмитрия, где он теперь? Он знал, что эта программа опасна, что она спалит ему мозги, но ему хотелось нам что-то доказать или, может, самому себе показать, чего он стоит! Это его погубило, погубит и вас! Запомните: Отступниками не рождаются.

Пелена поражения, укутавшая мой разум, начала рассеиваться. Постепенно ко мне возвращались зрение и слух, дыхание восстанавливалось, но тело продолжало ныть и ломать от боли. Я попытался подняться, но тут же рухнул обратно. Зал замер в немом страхе перед грозными речами Хранителя. Десятки глаз разом потухли и прятались от гнева высшего Стража, даже Харви с Роном перестали демонстрировать свой нрав и покорно притихли с растерянным видом, изредка посматривая на моё истерзанное тело, лежащее на матах. Вергилий снова осмотрел своих подопечных, затем деактивировал меч и пристегнул эфес к поясу.

– Ты посмотри, мою любимую рубашку кровью испачкал, эх... – Хранитель резко сменил тон, он стал намного спокойнее и мягче. – В чём твоя ошибка, Стил, ты понимаешь? Страх,

злость, неуверенность – ты впустил их в свой разум, ты дал поработить себя, уничтожить, подчинился их воле. Как только ты это сделал – ты проиграл. Это действия не Стража, а глупого юнца. Ты забыл, чему учили в школе Стражей? Что там говорили на этот счёт? Давай же, вспомни?!

– Эмоции убивают разум, – прошипел я сквозь зубы, пытаюсь подняться.

– Что? Я не слышу!

– Эмоции убивают разум! – громче повторил я, упираясь руками в маты.

– Верно, а разум – это основа нашего мира, его суть, более того, мы сами лишь сгусток мыслей в общем потоке жизни. Ты и есть этот разум, а эмоции прежде всего убивают тебя самого!

С лица Вергилия окончательно спала маска негодования, он подошёл ко мне, протянул руку и помог подняться на ноги.

– Ты сейчас думаешь, что я намного сильнее тебя? Искуснее? Вовсе нет. Мы вышли из одной школы, обивали пороги одних и тех же учителей. Твоя проблема, Стил, да и не только твоя – вы забываете всё, чему вас учили. Пропускаете теорию мимо ушей, считая это напрасной тратой времени. Разница между нами только в этом. Давай, напomini нам о трёх правилах Палача, о его законах жизни, твоём собственном кодексе, вспомни, чему тебя учили.

Вергилий требовательно уставился на меня, иногда поглядывая на реакцию остальных Палачей в зале, включая Киру. Я прекрасно помнил о том, что спрашивал Хранитель, но он прав: я не придавал этому особого значения. Легко мнить себя лучшим, греться в лучах собственной звезды, когда всё у тебя получается, а противники – сплошь неумелые дети, умирающие с каждым движением и взмахом. В такой момент легко взрастить в себе чувство превосходства, потерять бдительность, пока не столкнёшься с противником сильнее себя. Тогда жизнь расставит всё на свои места.

– Первое правило? – потребовал Вергилий.

– Будь холоден как сталь – и ты станешь подобен ей, разящим как клинок, крепким как закалённый металл! – отчеканил я.

– Правильно, повторю ещё раз: эмоции разрушают разум и приводят к необдуманным поступкам. Второе правило?

– Мысли быстрее врага своего и будешь всегда на шаг впереди.

– Верно! И то, и другое раз за разом повторяют одну простую истину. В нашем мире как нигде верно высказывание, что мысль материальна. Система – это клубок из людских мыслей, тесно сплетённых между собой. Чем быстрее работает твой разум и лучше предугадывает действия врага, тем сильнее ты становишься. Именно это пытался сделать Дмитрий, стать умнее одним махом, но, увы, так не бывает. Третье правило?

– Уважай врага своего, – печально выдохнул я и добавил: – Всегда.

– О, вот мы и добрались до исходной позиции! Нужно всегда уважать своего противника. Недооценивая его, ты загоняешь себя в ловушку, расслабляешься, теряешь концентрацию и тебя легко выбить из равновесия. Переоценивая его, ты, наоборот, теряешь самообладание, выпускаешь на волю страх, что сковывает твои движения. В этом случае тоже можно забыть о победе. Всегда воспринимай противника как равного, кого при должном усердии ты всегда сможешь победить. Хотя на миг потеряешь самообладание в тяжёлом бою – и ты труп! А теперь... – Хранитель поддел ногой мой меч, лежащий на матах, и бросил его в мои руки, а следом сорвал с пояса свой и снова активировал его. – А теперь, Страж, нападай!

Я поймал в полёте своё оружие, размял немного шею, руки и потоптался на месте. Тело всё ещё ныло от боли, но кровь перестала течь, и разум достаточно прояснился.

– Быть холодным как сталь, – прошептал я одними губами и сделал глубокий выдох.

Страх постепенно отступал, забирая с собой нахлынувшее отчаяние. Передо мной стоял уже не Хранитель или непобедимый воин, а скорее обычный человек с холодным оружием, я

смотрел на него, как в своё отражение. Рывок, снова хлёсткий рассекающий удар снизу, лязг металла и отскок в сторону. Новый удар – и я метнулся в другую сторону, пролетел над поверхностью мата, удивляясь собственной скорости и изворотливости после стольких ран. Взмах из неудобного положения – и Хранитель успевает вывернуть руку и парировать мой удар всего за долю секунды до того, как тот рассечёт его грудь. Его меч дрогнул, Вергилий отпрыгнул назад, но не проронил ни слова, одарив меня лишь довольной ухмылкой. Он развернулся и сменил боевую стойку, тоже обхватывая рукоять двумя руками. Потом резко сорвался с места, да так быстро, что я успел заметить только тёмный всполох, витающий в воздухе, размазанный силуэт на том месте, где только что был человек. В решающий момент я среагировал и отбил удар, пришедший откуда-то сбоку, но не устоял на ногах и повалился на маты. Вергилий моментально подскочил и сделал попытку пригвоздить меня к полу, но я перекатился в сторону, и его меч воткнулся в маты. Неужели он и правда готов пронзить меня насквозь? Я вскочил, попытался ударить противника, пока тот вытаскивал клинок, но Вергилий успел среагировать и уйти из-под удара.

Мы кружили по арене в неистовом танце теней, зрители не могли уследить за нашими движениями и довольствовались блеском и звоном мечей, окутанным нечёткими силуэтами. Мы наносили десятки ударов, изворачивались, скользили по всей арене, клинки смыкались, стонали, искрились от быстрых и сильных ударов, всё это сливалось в красивую, но холодную песню смерти. После очередного отскока я с криком махнул мечом и кончиком лезвия смог дотянуться до щеки Вергилия, оставляя на ней ощутимый разрез. От неожиданности он вскрикнул, прижал ладонь к ране и отступил. Весь зал хором ахнул. Хранитель посмотрел на ладонь, на которой остались следы крови, вытащил из кармана брюк небольшой носовой платок и прижал к щеке.

– Достаточно! – сказал он, деактивируя свой меч. – Не хватало нам ещё поубивать друг друга. Вижу, ты, наконец, усвоил этот урок. Что же, я вполне доволен, как ты показал себя в конце боя. Пусть наши раны напоминают тебе о важности моих слов.

Я кивнул и почувствовал, как напряжение спадает с тела, проходит азарт битвы, но вместе с тем пришла сильная усталость, ноги подкосились, и я чуть снова не очутился на матах. В это время ко мне подскочила взволнованная Кира и поддержала, чтобы я не упал. Обессиленный, я разжал трясущиеся руки, и меч упал к моим ногам.

– Кира? Вас ведь так зовут? – любезно спросил Вергилий мою напарницу, подходя ближе. – Помогите напарнику добраться до технического отдела, а после принимайтесь за работу. У вас ещё много дел, помните? Нет ничего важнее Системы, этот бой не причина откладывать выполнение долга.

– Хорошо, господин Хранитель, – кивнула Кира, после чего потащила меня к выходу.

– Концерт окончен, все расходимся по своим рабочим местам, живо! – громкоскомандовал Вергилий.

Люди потянулись к лифту. Мы шли не очень быстро, Кира пыталась меня поддерживать, но мои ноги совсем не слушались, сильное перенапряжение давало о себе знать. Нас обгоняли, хлопали по моему плечу, приветливо улыбались, и, вообще, на душе стало как-то тепло и спокойно. На полпути к лифту меня окликнул Вергилий:

– Стил, подожди!

Мы резко остановились и повернулись на зов. Хранитель разглядывал свой платок с капельками крови, затем поднял голову и бросил какой-то предмет в нашу сторону.

– Держи, ты это заслужил! – крикнул Вергилий вдогонку.

Я машинально поймал предмет и, только когда опустил глаза, понял, что держу в своих руках рукоять от меча Хранителя.

– Но... – Я опешил и не знал, что ответить.

– Отличный бой, что ни говори. Если будешь также стараться, то, уверен, ты сможешь стать настоящим Хранителем. Я снял блокировку меча, попробуй, активируй его.

Трепеща от волнения и распирающего ликования, я провёл пальцами по металлической пластине на рукояти, после чего клинок вновь пронзил воздух, приводя меня в неописуемый восторг.

– Всё, теперь он твой и только твой, Стил. Береги его и будь действительно достоин! – с гордостью сказал Вергилий и позволил себе небольшую улыбку.

Хранитель вновь прижал платок к щеке, другой рукой снял плащ с тренажёра, а затем подобрал мой бывший меч, который мы бросили на полу после боя. Что сказать, я был крайне доволен таким обменом. Я полюбовался своим новым мечом, затем снова провёл пальцами по пластине, и клинок, немного задрожав, рассеялся на облако блестящих металлических льдинок.

– А я не понял, кто победил-то? – возмущённо проревел на весь зал опомнившийся Харви, когда почти все покинули помещение.

* * *

Кира повела меня к Техникам и всю дорогу шутила о том, как Хранитель испугался продолжить бой и струсил после первой же раны. Мне нравилось её задорное настроение, это помогло хотя бы немного отвлечься от боли в голове и во всём теле, но сил радоваться такой победе и ценному подарку уже не осталось. Я пытался криво улыбаться, поддержать её эмоции, но это давалось мне с большим трудом. Когда мы вернулись на десятый этаж, нас уже встречало несколько Техников с неподдельным восторгом в глазах. Они улыбались, приветствовали и помогли Кире отвести меня в нужный кабинет. Раньше за ними не наблюдалось подобной заботы о раненых Стражах, скорее, эту обязанность они воспринимали как неприятное дополнение к основной работе. Иногда новости и слухи в нашей башне распространяются слишком быстро.

Услужливый Техник долго корпел надо мной: заживлял раны, восстанавливал мышечный тонус, корректировал образ, убирая отёки и ушибы. К счастью, в нашем мире возможно всё. Через полчаса моё тело было приведено в отличное состояние, меня отчистили от крови, и я стал выглядеть ещё лучше, чем с утра. Кира тем временем принесла мои вещи из раздевалки. Но внешний образ в Системе не более чем обман, иллюзия, призванная показать мое благополучие, красивая вывеска, за которой скрывается изуродованное и больное нутро. Я выглядел, как прежде, но разум невозможно обмануть. Он видел удары и чувствовал боль, он знает, что, несмотря на убранные шрамы, боль остаётся внутри и будет отдаваться по всему телу при каждом шаге, а лицо, внешне свежее и чистое, внутри пылает страшным огнём и мечтает окунуться в огромный чан со льдом. Всё-таки здорово он мне врезал и, похоже, поделом. Странно, но я не чувствовал ненависти к Вергилию, ни злобы, ни желания мстить – ничего. Больше всего я ощущал невероятную лёгкость в душе, даже радость. Возможно, это от того, что всё утреннее сумасбродство, наконец, закончилось, а может, от того, что мне всё-таки удалось ранить Хранителя, выстоять в этом неравном бою.

Время стремительно приближалось к вечеру. Мы спустились на первый этаж и пожелали удачного дня Марине, проводившей меня странным оценивающим взглядом, потом вышли на промозглую улицу и быстро запрыгнули в свой автомобиль. Большая часть транспорта у башни уже успела разъехаться по своим делам, включая машину «Харона». Ещё одна радость на мою больную голову, встречаться с ними совсем не хотелось.

– Ну что, герой, куда поедем? Есть мысли? – спросила Кира.

В животе начинал набирать мощь настоящий ураган, он журчал, переливался и требовал дозправки. Сегодня мне так и не удалось поесть, поэтому к вечеру я ужасно проголодался.

– Поехали в «Мистерию», как обычно. Нужно основательно подкрепиться, а то я сейчас помру с голода, – ответил я и скорчил жалобную гримасу.

Кира охотно согласилась с такими вескими доводами, вырулила на дорогу и вдавила педаль газа. Я посмотрел в зеркало заднего вида, помял пальцами лицо, потрогал челюсть, покрутил головой и с удивлением хмыкнул: на мне не осталось никаких следов бывшего сражения. Жалко, что боль так легко не уходит, как её внешние проявления. Как сказал Вергилий, в нашем мире мысль материальна. Вся наша жизнь – одна большая затянувшаяся мысль, пронесённая стрелой сквозь века, что растворится в потоке времён.

– А всё-таки неплохо он тебя отделал, – ухмыльнулась Кира.

– Это точно. Мой тебе совет, Кир: никогда не обсуждай людей за их спиной, иначе они могут оказаться за твоей! – Я попытался улыбнуться, но жгучая боль вновь пронзила скулы, и я поспешил отвернуться к окну, чтобы скрыть своё перекошенное лицо.

Чтобы отвлечься, я всю дорогу рассматривал и крутил в руках эфес подаренного меча. Выглядел он необычно, будто игрушка, от которой отломали клинок. Кира тоже изредка, но с интересом косилась на рукоять, пока любопытство не взяло над ней верх. Она удивлялась поступку Хранителя, шутила, что я наконец перестану везде терять и забывать своё оружие.

– Знаешь, а ведь это большая честь, – с подозрением сказала она. – Только немного странно.

– Что странно?

– Да всё это. Хранитель так легко отдал своё оружие, хотя его выдают только по рангу.

– Не отдал, а обменял, – шутливо уточнил я.

Но Кира всё ещё выглядела встревоженной.

– Всё равно. Это не пройдет для него бесследно и для тебя тоже. Палач с оружием Хранителя... другие Стражи могут не разделить твоего восторга.

– Может, меня тоже готовят в Хранители? – с улыбкой спросил я.

В ответ Кира скорчила такую обидную гримасу, будто услышала самую большую глупость на свете.

– Тогда на что ты намекаешь? – Улыбка плавно сползла с моего лица.

– Ни на что, просто держи ухо востро. – Киру немного смутил разговор, и она поспешила сменить тему: – Вот и кафе, почти приехали!

Небольшое, но уютное кафе «Мистерия» находилось на самой окраине центральной части города, на небольшой улочке с чудесным названием – Бульвар Мира. Это была тихая, спокойная, хорошо ухоженная улица с редкими вкраплениями домов. В больших пространствах между зданиями удавалось разглядеть родную спальную часть города и трассу, ведущую к ней. Само кафе было невысокое, одноэтажное, с красивым разукрашенным фасадом и большой оборудованной площадкой перед входом, где располагалось множество столов под брезентовыми навесами. В самом здании находились только кухня и служебные помещения, а пробовать местные блюда предполагалось на свежем воздухе. Из-за поломки погодного модуля и непрекращающегося дождя популярность данного заведения значительно упала. Если раньше люди любили посидеть семьями за небольшими столиками, полюбоваться силуэтом спальной части города или просто побыть в тишине и отдохнуть от бешеного ритма жизни, то теперь только отдельные храбрецы отважились есть на промозглом и сыром воздухе, под постоянный и надоедливый шорох дождя над головой. Однако местная изысканная кухня способна искупить многое. Мы с Кирой любили это место. Здесь мы отдыхали от работы, проводили время за разговорами и уже привыкли заезжать сюда на обед. Заведением владела немолодая, но крайне добродушная женщина. Хозяйка любила сама всем заправлять в своём кафе: готовить, убирать или принимать заказы. Нам казалось, что в своей работе она находила какой-то высший смысл, идею, ради которой выкладывалась по полной, и это делало её по-настоящему счастливой. Было в этом что-то знакомое от службы Стражем.

Когда мы подъехали к кафе, народу осталось очень мало, почти все столики пустовали, только несколько из них были заняты скучающими посетителями. Обеими руками они обнимали чашки с горячими напитками и отрешённо смотрели куда-то вдаль. Я прицепил своё новое боевое приобретение к поясу, застегнул куртку и спрятал под ней меч, затем мы переглянулись с Кирой и одновременно вышли под нещадные потоки дождя. Наше место, как всегда, оказалось свободным, ведь хозяйка уже привыкла видеть нас каждый день и никому не позволяла садиться за наш привычный крайний столик. Мы заняли свои места и стали терпеливо ждать. Дождь тоскливо выбивал такт, тихо шурша по брезенту над головой, стекал с него и задорно падал на землю. Всё это успокаивало, позволяло забытья и на время уйти в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.